

Павел Гнесюк

Монгольский
исполин

18+

Павел Гнесюк

Монгольский исполин

«Автор»

2026

Гнесюк П. Б.

Монгольский исполин / П. Б. Гнесюк — «Автор», 2026

В эпоху великих завоеваний мастера Монгольской империи создали Исполина — механического коня с тремя головами, изрыгающими пламя. При падении империи его расчленили, а три головы спрятали в уральских горах. Спустя века казахский министр Сатыбалдин похищает по Азии части древнего механизма. На симпозиуме профессор Сарычев готов огласить карту, ведущую к головам коня. Боевики министра устраивают бойню, убивают десятки учёных и похищают профессора. Историк и бывший офицер спецназа Дмитрий Родинов вместе с коллегами он отправляется в экспедицию в оренбургские степи, где в древней пещере скрыт языческий храм с тремя головами коня. Преследуемые боевиками, группа Родинова вступает в подземный храм. В ходе боестолкновения своды пещеры рушатся. Ценой невероятных усилий Хранители завладевают сакральными раритетами Угэдэя, лишая Сатыбалдин надежды на обретение власти. Это история о долге и чести, о древних проклятиях и амбициях, о том, как далеко может зайти человек в стремлении к власти.

© Гнесюк П. Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Битва у железных ворот	5
Глава 2. Молчаливые свидетели степей	14
Глава 3. Дорога в калужский музей	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Монгольский исполин

Глава 1. Битва у железных ворот

Воздух в теснине Железные Врата был не просто спертым — он был жидким и тягучим, словно кисель, сваренный из тысяч человеческих испарений, пота, стекающего с разгоряченных лошадиных круп под тяжелыми попонами, и свежей, липкой крови, хлещущей из перерубленных артерий и развороченных ран. Осень выдалась странно холодной. Ранние заморозки сковали траву в долине Хэйшанься, нареченную людьми Железными Вратами.

— Смотрите, собачьи сыновья уже приготовили нам могилу! — Хрипло усмехнулся старый нойон Чагатай, указывая на узкий проход между скал.

— Могила будет их, а не наша, отец. — Спокойно ответил его молодой помощник, поправляя колчан. — Разве может мышь удержать в норе стаю волков?

Воздух в теснине был не просто спертым, он был физически тяжёлым, словно сама атмосфера стугилась в предчувствии кровопролития.

К этому гремучему коктейлю примешивался едкий, щекочущий ноздри дым от догорающих обозных повозок, подожженных случайными стрелами, и сладковато-тошный запах разорванных внутренностей. Все эти миазмы сливались в одно удушающее, плотное марево, стоящее над полем боя тяжелым одеялом, а в легких воинов оседало металлическим, знакомым каждому ветерану привкусом — привкусом близкой смерти.

Гул битвы был не просто шумом или грохотом — это был оглушительный, всепоглощающий рев, способный свести с ума неокрепший разум. В этот шум вливался лязг десятков тысяч клинков, сталкивающихся в смертельном танце от пронзительного визга легких сабель до глухого, тяжелого стука булав и секир о деревянные щиты, окованные железом.

Сюда добавлялся треск, похожий на сухие ветки, так ломались древки длинных пик и копий, пронзенные стрелами или перерубленные мечами. И над всем этим — человеческий голос. Тысячи голосов. Предсмертные хрипы, полные недоумения и ужаса; яростные, исступленные боевые кличи на монгольском, тюркском, китайском наречиях.

Были слышны отчаянные молитвы, обращенные к разным богам, а еще проклятия, воины швыряли в лица врагам, уже не надеясь выжить, но желая унести с собой в небытие хоть крупицу чужой боли. А под этим всем, как непрерывный басовый фон, — дикое, обезумевшее ржание коней. Кони, почуяв смерть и боль, бились в истерике, вставали на дыбы, сбрасывая седоков, лягались, кусались, и их пронзительные, почти человеческие вопли вплетались в этот адский хор, создавая симфонию чистого хаоса и насилия.

На противоположной стороне ущелья генерал Ваньянь Хэда обходил позиции.

— Запомните, каждый шаг назад — шаг к могилам наших предков! Здесь мы стоим, и здесь умрём, если Небеса того пожелают! — Генеральский голос, охрипший от команды, нёсся над рядами.

— Умрём стоя! — Пронеслось эхом по цзиньским рядам.

— Видишь их "сухие дожди"? Пусть стреляют. Наши щиты выдержат. — Главное не дрогнуть, когда их конница пойдёт в атаку. — Генерал Хэда обратился к своему помощнику, указывая на монгольские знамена.

— А если пойдут все сразу? — Спросил молодой офицер.

— Тем лучше! — Хрипло ответил генерал. — В этой тесноте их численность будет им могилой. Прикажи "тевэй" быть готовыми к моему сигналу.

Войско Угэдэя, этот великолепно отлаженный механизм, выкованный железной волей его великого отца и отточенный в бесчисленных походах, впервые за долгие годы завоеваний застряло, увязнув, как муха в смоле, в стальной, неподатливой плоти противника. «Железные

Врата» — узкое, мрачное горное ущелье, зажатое между двумя скалистыми хребтами. В этот роковой день полностью оно оправдывало свое грозное имя.

Войска империи Цзинь, собрав последние резервы, отчаявшиеся, но не сломленные, построились здесь в глубокую, многослойную фалангу, растянувшуюся от одной скалы до другой. Это была армия, теряющая боевой дух, гигантский, израненный, истекающий кровью, но не сдающийся вепрь, вставший на пути охотников и приготовившийся забрать с собой в царство теней как можно больше монгольских душ.

Длинные, в пятнадцать локтей, пики, щетинившиеся в первых рядах, были подобны иглам разъяренного дикобраза, их наконечники холодно поблескивали в косых лучах заходящего солнца. За этой смертоносной изгородью стеной стояли ветераны в прочных ламеллярных доспехах, с длинными, слегка изогнутыми мечами-дао, их лица, залиты потом и забрызганны грязью.

Лица воинов были искажены не слепой яростью, а холодной, обреченной решимостью. Они знали отступления нет. Позади их дома, их залитые солнцем рисовые поля, их древние храмы и плачущие семьи. Они стояли насмерть, и их молчаливая стойкость была страшнее любого боевого клича.

В монгольском стане Угэдэй слушал донесения разведчиков.

— Каан, они укрепились как крысы в норе. — Офицер стер грязь с лица. — Передние ряды — воины со щитами и пиками, на флангах будут их железные всадники.

— Крысы! — Тихо повторил Угэдэй. — Всё же нужно помнить, даже крыса кусается, когда загнана в угол. Баян, твои лучники начнут первыми. Не жалея стрел, пусть греются под нашим дождём.

— Устроим им баню, Каан! — Старый воин хрипло рассмеялся.

Знаменитые монгольские «сухие дожди» — тучи стрел, выпущенные с идеальной параболической траекторией, они обычно косили вражеские ряды еще до начала ближнего боя, сегодня теряли свою сокрушительную силу. Они с глухим стуком, словно дятел по старому дубу, втыкались в сплошную, плотную стену, окованных железом щитов или со звенящим, насмешливым звуком отскакивали от закаленных шлемов, не причиняя серьезного вреда.

Легкая конница, гордость и бич степняков, их главный тактический козырь, волна за волной накатывала на этот стальной, непробиваемый берег. Это было зрелище одновременно ужасающее и величественное. Тысячи всадников, казавшихся сросшимися со своими лошадьми в единый, идеальный организм, неслись вперед с оглушительным гиканьем и свистом, обрушивая на врага град стрел с близкой дистанции.

Стоило им приблизиться для решительной атаки, вскрыть вражеский строй, как их встречали смертоносные, длинные, как шесты, пики. Битва началась без обычных переговоров. Со стороны монголов прозвучал резкий свист костяного свистка и небо потемнело.

— Щиты вверх! — Заорали цзиньские центурионы. Тысячи щитов поднялись единой стеной. Стрелы забарабанили по ним, словно град.

— Ни одна не пробилась! — Крикнул молодой лучник в монгольских рядах.

— Молчи и тяни тетиву! — Огрызнулся его десятник. — Не щит, а душу надо им пробить!

— Они не пробивают! — Раздавалось с цзиньской стороны. — Держать строй! Арбалетчики, приготовиться!

— Ястребы, вперед! — Ревели командиры, когда понеслись монгольские всадники. — Покажи им, как танцует степной ветер!»

— Вот она монгольская смерть! Приготовить алебарды! — Кричали в цзиньских рядах. — Первый ряд, пригнуться! Второй, ждать команды!

— В руку! Проклятые! — Послышались подобные выкрики боли, когда монгольские стрелы стали находить свои цели.

— Сейчас! "Тевэй", в атаку! — Генерал Хэда внимательно следил за ходом сражения и, увидев момент, закричал. — Бить по их правому флангу!

Тяжёлая цзиньская кавалерия пришла в движение. «За Сына Неба!» — Пронёсся их боевой клич. Лошади, пронзенные насквозь, издавали громкий, разрывающий душу, почти человеческий стон и тяжело, с хрустом валились на землю, увлекая за собой всадников, кого тут же затаптывали копыта их же сородичей или добивали солдаты Цзинь, безжалостно и методично.

Воздух наполнился отчаянным, предсмертным ржанием умирающих животных, хрустом ломающихся под весом тел костей, душераздирающими криками воинов, пытавшихся вытащить ноги из стремян под телами своих павших коней, и торжествующими возгласами врага, почувствовавшего свою силу.

Земля под ногами, еще утром бывшая твердой и сухой, теперь превратилась в кровавую, скользкую, чавкающую грязь, перемешанную с осколками костей, выпавшими на землю синеватыми кишками, выбитыми зубами и обломками доспехов.

— За Сына Неба! — Пронёсся их боевой клич, но монголы не дрогнули.

— Как и думал! — Угэдэй обратился к своему темнику. — Борохул, твоя очередь! Влево, в их бок!

— Слышу, Каан! — Рявкнул великан. — Хуша, за мной! Покажем этим железным куклам, как дерутся мужчины!

Всадники, упавшие с коней, бились в отчаянных, яростных схватках один на один, их крики тонули в общем гуле.

— За Хана! За Вечное Синее Небо Тэнгри! — Неслось с одной стороны. — Тэнгри, прими мой дух!

— Не посрамим землю предков! За Сына Неба! За Императора! — Раздавалось с другой стороны.

Звуки сабель были разными, и каждый опытный воин умел их различать. Глухой, деревянный стук, удар пришелся по щиту. Резкий, скрежещущий визг, лезвие соскользнуло по латам, высекая сноп искр. И тот самый, самый страшный, мокрый, хрустящий, негромкий звук, похожий на разламывание сочного плода, когда острое, как бритва, лезвие рассекало плоть, мышцы, сухожилия и дробило кость. Стоны, хрипы, последние выкрикиваемые имена любимых, молитвы, проклятия, обещания мести — все смешалось в единый, безумный хаос всеобщей агонии.

В ставке Угэдэя, расположенной на высоком, командующем кургане в тылу монгольских позиций, царило гнетущее, тяжелое, почти осязаемое молчание, разительно контрастирующее с адской какофонией, бушующей внизу. Сам Великий Хан стоял недвижимо, его мощная, тучная фигура была подобна скале, его лицо, обрамленное черной как смоль бородой, напоминало высеченную из гранита маску, на нем не отражалось ни тени страха, ни вспышки гнева, ни искорки беспокойства.

— Каан, эта стена пьёт кровь наших воинов, как сухая земля пьёт дождь! — На командном кургане старый Баян хрипел.

— Ты видишь кровь, Баян, а я ощущаю, как дрожат их руки. — Угэдэй отвечал тихо, но так, что слышали все. — Вижу страх в их глазах. Стена устала. Ещё немного...

— Духи готовы? — Хан повернулся к шаману Мунхэ.

— Они голодны, Каан. Они требуют жертву. — Старый шаман, не открывая глаз, прошептал.

— Получат! — Холодно ответил Угэдэй. Затем повернулся к технику Ли Сюаню. — Твое творение проснётся сегодня.

— Механизмы проверены. Насосы наполнены. Огненная смесь готова. — Хрупкий старик поклонился. — Великий хан,... давление должно быть идеальным. Один неверный расчёт...

— Расчёты будут верными! — Перебил его Угэдэй. — Или твоя голова полетит первой.

Глубоко посаженные глаза Угэдэя, черные и пронзительные, как у старого, выдавшего виды беркута, холодно и расчетливо скользили по полю боя, отмечая каждое колебание в линии своего войска, каждое движение вражеских резервов. Его лучшие нойоны и темники, их лица, залитые потом, пылью и засохшей кровью, их доспехи иссечены царапинами и вмятинами, почти хором предлагали отступить, перегруппироваться, измотать врага осадой или голодом.

— Великий Хан! Мы бьемся, как волны о скалу! — Кричал один из них, седой старик со шрамом через глаз, его голос срывался от бессильной ярости и отчаяния. Наши потери растут с каждым вздохом! Лучшие багатуры гибнут впустую!

Угэдэй лишь молча, медленно покачал своей большой головой. Его пальцы, украшенные массивными перстнями, сжали рукоять дорогой, инкрустированной сабли. Отступить было нельзя. Никогда. Эта победа, здесь и сейчас, должна была быть быстрой, сокрушительной и неоспоримой. Она должна была заткнуть рты всем завистникам в степи, всем родичам, кто сомневался в его праве на трон, доказать, что он, Угэдэй, достоин наследия своего отца не только по праву крови, но и по праву меча, по праву безоговорочной победы.

Вскоре его безмятежный, холодный, всевидящий взгляд упал на небольшую, странную группу людей, стоявших особняком у самого подножия кургана, в тени развернутого бунчука. Это не были воины. На них не было ни доспехов, ни шлемов, лишь длинные, темные, запачканные дорожной пылью халаты. Это были хранители и механики — странный, почти еретический альянс монгольских шаманов с их древними, как сами степи, знаниями о духах и тайных силах, и пленных китайских механиков-инженеров, чьи умы были полны хитроумных устройств и машин, непонятных и оттого почти магических для простых кочевников.

В стане командования противника возник неподдельный интерес, когда багатуры начали тащить платформу. Непонятные приготовления монголов в цзиньском командном пункте вызвало смятение.

— Что они тащат? — Заволновался молодой офицер. — Неужели готовят катапульту, но почему так медленно!

— Может, осадную башню собирают? — Предположил кто-то ещё.

Старый полковник прищурился:

— Нет... это что-то другое. — Старый офицер цзиньской армии засомневался. — Больше походит на алтарь? Они готовят жертвоприношение?

— Прикажи лучникам бить по тому холму! — Генерал Хэда почувствовал холод в животе, и чтобы пресечь споры отдал приказ.

— Лучники не могут достать до холма. — Вскоре поступил доклад. — Стрелы не долетают, генерал!

— Духи ветра, придите! Духи огня, пробудитесь! — На монгольской стороне шаман Мунхэ начал выкрикивать заклинания. — Духи железа, заговорите! Пусть наше творение станет вашим телом!

— Тэнгри, вдохни в него жизнь! — Его ученик бил в бубен, выкрикивая. — Сделай его своей дланью! — Механики суетились у основания платформы.

— Блок номер три заедает! — Зашептал один из техников.

— Выбей клин молотом! Аккуратно! — Потребовал Ли Сюань. — Помни, внутри две тонны горючей смеси!

Насосы держат давление?

Держат, мастер Ли. — Скупно отвечал механик. — Это прослужит не долго.

Рядом с ними, укрытый толстым, грубым войлоком, лежал некий огромный, громоздкий предмет, его форма угадывалась смутно. Взгляд Угэдэя встретился с взглядом старшего шамана, седобородого старика с кожей, похожей на старый пергамент, и глазами, горящими странным внутренним огнем, словно он видел сквозь время и пространство. Хан медленно,

почти незаметно для окружающих, кивнул. Всего одно движение. Это лёгкое движение головой стало смертным приговором противнику.

С этого мгновения началось действие, больше похожее на древний, мистический ритуал, чем на военную операцию. Под свист случайных стрел, долетавших сюда, с передовой, и под непрекращающиеся проклятия умирающих внизу воинов, несколько десятков самых сильных и рослых монгольских багатуров, не занятых в непосредственном бою, своего личного гвардии хана, бросились к покрытому войлоком предмету.

С громким, напряженным, звериным рыком, вздувая жилы на загорелых шеях и бугрящихся мускулистых руках, они начали катить и затаскивать эту тяжеленную, невероятно громоздкую ношу вверх, на центральный холм, что возвышался прямо по центру монгольских позиций, как немой, безучастный свидетель всей кровавой бойни.

Вражеские командиры, опытные генералы Цзинь, сразу заметили это движение. Они перешептывались, указывая пальцами, обсуждали, что монголы устанавливают новую, более мощную осадную машину — может быть, гигантскую катапульту, способную метать горшки с нефтью, или даже какой-то усовершенствованный греческий огонь. Они были готовы к камням, к обычному пламени, к любым ухищрениям осадной техники. Но они не были готовы к тому, что должно было явиться их глазам. К тому, что лежало за гранью их понимания.

Когда на вершине холма, под градом насмешливых и недоуменных взглядов, багатуры наконец сорвали тяжелый, пыльный, пропахший дымом и потом войлок, ослепительное, почти невыносимое, яростное сияние ударило по глазам тысяч людей, заставив их на мгновение зажмуриться. На фоне кроваво-красного, расплывчатого диска заходящего солнца, окрасившего небо в багровые, фиолетовые и лиловые цвета надвигающегося апокалипсиса, стояло нечто исполинское. Когда полог, скрывавший совершенное орудие монголов, упал, наступила тишина на каждой стороне сражающихся.

— Цаган Морь... Гурван Толгойт... — Среди монгольских воинов пронёсся шёпот недоумения, переходящий в гул.

— Что это за идол? — С цзиньской стороны сначала раздались возгласы недоумения.

— Шэнь ню! Божественный бык! — Затем возник первый крик страха.

Чудище очнулось от спячки, по всему телу прошла волна мелкой дрожи и стихла. Первый удар копыта о камень прозвучал как удар гонга.

— Оно живое! — Звопил кто-то в цзиньских рядах.

— Дыши, великий! Покажи им мощь степи! — Шаман Мунхэ в иступлении кричал.

— Клапан пара — открыть! — Механики у подножия холма работали лихорадочно.

— Открываю! — Прошептал техник. — Осторожно, назад!

— Работает! — Закричал один из помощников мастера, когда белый туман хлынул из ноздрей исполина. — Теперь огонь!

— Зажигательные шары готовы? — Требовательно спросил Ли Сюань.

— Готовы, мастер! — Подтвердил кто-то из техников.

— По моей команде... — Затрепетал Сюань. — Теперь! — Когда из пастей хлынуло пламя, он представил какой хаос воцарится на поле брани.

— Следите за циркулирующей охладителя! Быстрее! Перегрев! — Надсадно хрипел мастер своим техникам.

— Смотрите! Гнев Тэнгри! — Раздалось с монгольской стороны. — Мы непобедимы!

— Великий хан, твоя воля творит чудеса! — Вторили ликование тысячи воинов.

Творение рук Сюаня было поистине колоссальным, ростом с двух, если не трех, самых крупных боевых скакунов, поставленных друг на друга. Все его тело, от мощных, упертых в землю копыт до высоко вздернутых в яростном порыве голов, было отлито из чистого, тщательно отполированного до ослепительного, зеркального блеска золота, и оно пылало, отражая закатный свет, словно второй, рукотворный огненный шар, сошедший с небес прямо на вер-

шину холма. Каждая из трех его мощных, мускулистых, неестественно выгнутых шей, была увенчана гордой, скульптурно вырезанной головой, каждая башка была с оскаленной пастью, откуда виднелись ряды острых золотых зубов.

От живого диковинного монстра, вставшего на защиту монголов с цзиньской стороны, началась паника. Одни солдаты, парализованные страхом, наблюдали за действием, другие побросав оружие тихо молились.

— Лун! — Кто-то испугано завопил. — Дракон!

— Небеса против нас! — Затрясся старый солдат.

— Бежим! — Стали радоваться призывы. — Бежим!

— Стойте! Держать строй! — Орал центурион, но его голос тонул в общем гуле.

— Наши боги отвернулись! — Рыдал молодой солдат.

— Это конец... конец всего... — Повторял другой мужчина, распахнувший от ужаса глаза.

— Не поддаваться панике! — Генерал Хэда попытался взять ситуацию под контроль. — Это трюк! Механизм! — Полководца он уже не слушал, а обречённо наблюдал за коллапсом и ломкой духа в армии.

— Смотри, Баян, от нашей силы боевое построение ещё держится. — Угэдэй наблюдал за разворачивающейся паникой без эмоций. — А боевой дух мы сокрушили!

— Я видел многое и прошёл через разные страшные битвы. — Старый монгольский воин смотрел широко раскрытыми глазами. — Каан, такого я бы никогда представить не смог.

— У моего мастера Сюаня припасены разные чудеса, но не время выкладывать на обозрение всю колоду. — Теперь, пора показать нашу силу! — Тихо сказал Угэдэй, поворачиваясь к Борохулу.

— Каан? — Темник уже ждал, готовый выполнить приказ, а его единственный глаз горел. — Каан?

— Пора выводить левое крыло. — По лицу Угэдэя прошла судорога. — Теперь они готовы получить настоящий удар. Добей их!

— Я выполню твою волю, Каан! — Пообещал темник.

— Борохул? — Голос Угэдэя был тихим, но отточенным, как лезвие. — Ты слышишь их крики?

— Слышу, Каан! — Подтвердил Борохул. — Это крик разбитых сердец!

— Хорошо, а теперь дай им услышать наш ответ. Выводи весь тумен. — Потребовал хан. — Не знай пощады и сотри их с лица земли.

— Слушаюсь! — Он развернулся к своему знаменосцу. — Поднять бунчук! Дать сигнал рогами! — Лицо Борохула исказилось в гримасе, похожей на улыбку.

— Слышите дрожь врага! — Борохул обнажил саблю, обращаясь к своим воинам. — Вы слышали приказ хана! Ни пощады, ни милости! За Чингиса! За Угэдэя!

— Смерть! Смерть! Смерть! — Ритмично повторяли солдаты и рёв, рогов-бурэ прорезал воздух.

Вместе с началом атаки левого крыла монгольской конницы, пришёл в движение трехглавый конь на вершине холма. Страх от возможной атаки исполина захватил всё цзиньское войско. Одна голова, с горящими, как тлеющие угли, алыми рубинами вместо глаз, смотрела на восток, в бескрайние, родные степи, откуда пришли их предки, туда, где спала их сила.

Другая, с глазами из холодных, бездонных сапфиров, взирала на запад, к еще не покоренным, лежащим во мраке землям, куда должна была прийти их власть. А центральная, самая крупная и свирепая, с огромными, пылающими изнутри карбункулами, чей кровавый свет был подобен взгляду самого демона, смотрела прямо, не мигая, в самую гущу вражеского строя, и ее бездушный, не моргающий взгляд был полон бездонного, абсолютного гнева.

Вражеский строй, до этого державшийся с железной, нечеловеческой дисциплиной, дрогнул. Не просто дрогнул, его пронзила, разорвала на части волна мистического, животного, все-

поглощающего ужаса. Сначала по передним, самым стойким рядам пронесся недоуменный, испуганный шепот, быстро, как лесной пожар, переросший в крики, полные чистого, неконтролируемого отчаяния.

— Шэнь! Шэнь! — Бог! Бог! — Закричал кто-то, роняя оружие.

— Это дракон! — Трепетали голоса. — Они призвали золотого дракона! — Верещал другой, закрывая лицо руками.

— Спасайся кто может! — Раздался третий, и в его голосе слышались слезы.

Сверкающий огромный конь совершал плавные грациозные движения живого, дышащего существа — это была жуткая, механическая, пугающая своей неестественностью пародия на жизнь, вдохнутая в холодный, бездушный металл гением китайских инженеров и древними, шепчущими заклинания шаманов. Сначала, словно из самых недр этого золотого идола, раздалось громкое, прерывистое, шипение, похожее на дыхание, пробуждающегося от многовекового сна, гигантского дракона.

Из раздутых, искусно скульптурно вырезанных ноздрей всех трех голов с громким, свистящим звуком, словно выпускаемый пар из гигантского котла, вырвались густые, белые, обжигающие клубы пара, окутавшие холм призрачной, дымной, шевелящейся завесой. Вырвавшаяся из-за складок местности, сила на левом фланге, была не обычной конницей. Она представляла собой неуправляемую лавину из десяти тысяч всадников, составлявших свежий, нетронутый резервный тумен. Их кони, отдохнувшие и горячие, неслись с такой яростью, что казалось, земля дрожит не от ударов Золотого Коня, а от этого топота.

Сквозь эту движущуюся, полупрозрачную дымку, колоссальная фигура Золотого Коня казалась еще более огромной, нереальной, вышедшей из древнего кошмара. Потом, с оглушительным, звенящим, металлическим лязгом, слышимым даже над оглушительным грохотом битвы, он ударил своим массивным, тоже отлитым из золота, копытом о камень вершины холма. Удар был такой чудовищной силы, что несколько мелких камней и комьев земли покатались вниз по склону, и многим на поле боя, и своим, и чужим, почудилось, что содрогнулась, задрожала сама земля, как перед землетрясением.

Солдаты, только что стоявшие насмерть, смотревшие в лицо гибели с холодным спокойствием, увидели перед собой не просто новое, пусть и страшное, оружие врага. Они увидели необъяснимое, сверхъестественное, явное проявление божественного гнева, саму карающую длань Вечного Синего Неба Тэнгри, обрушенную на них в образе трехглавого золотого демона. Их собственные жрецы и монахи, стоявшие в тылу, молились своим богам и предкам, приносили последние жертвы, но небеса молчали, оставались глухи к их мольбам. А бог монголов, их страшный и могущественный Тэнгри, явил себя во всей своей ужасающей, неоспоримой, сверхъестественной мощи. Это был крах не линии обороны, это был крах веры, крах духа.

Самое страшное, самое душераздирающее, леденящее кровь в жилах, зрелище было еще впереди. По невидимому сигналу, может, взмаху руки шамана, скрытые в складках местности и за телом чудища механики, отчаянно работавшие мехами и раскаленными докрасна горнами, привели в действие последний, самый зрелищный механизм. С оглушительным, рвущим барабанные перепонки ревом, похожим на раскат грома в самый разгар бури, из тех же самых ноздрей, что лишь секунду назад изрыгали шипящий пар, вырвались три длинные, жадные струи живого, яростного, ревушего огня, смешанного с горючей, вонючей нефтью.

Пламя было ослепительно-желтым, с синими, призрачными прожилками на кончиках, оно било на несколько шагов вперед, не долетая до вражеских рядов, но в сгущающихся, багровых сумерках это было зрелище, способное свести с ума самого стойкого воина. Три головы одновременно, в унисон, изрыгали адское, очищающее пламя, и их золотые, неестественно пышные гривы.

Каждая отдельная прядь была соткана из тончайших, специально сплетенных позолоченных проволок, они яростно трепетали, вздымались и звенели, бряцая на ветру, создавая пол-

ную, абсолютную иллюзию яростного, живого, неконтролируемого бешенства. В этот момент Золотой Конь был подобен самому божеству войны, сошедшему с небес по зову Угэдэя, чтобы покарать неверных, ниспослать на них ужас и панику. Угэдэй из своего стана взирал на произведённый эффект и довольный кивал головой, так как результат превзошел все, даже самые смелые ожидания.

Воины Борохула неслись в почти зловещем молчании. Ни диких воплей, ни иступлённых кличей. Только свист ветра в стремянах, лязг оружия и сокрушительный грохот десятков тысяч копыт. Это молчание было страшнее любого крика. На лицах всадников читалась не ярость, а холодная, профессиональная решимость мясников, пришедших выполнить работу. Темник вел в бой сам, его огромная сабля сверкала над головой.

— В копыта! — Рывкнул Борохул, и его хриплый голос был похож на скрежет камней. — Клинком! Копытом! Дави! Руби! Ничего не оставляй!

Стальная, казавшаяся несокрушимой цзиньская стена дала трещину. Сначала одну, потом другую, потом десятки. Пики, еще недавно направленные грозным, смертоносным частоколом на врага, закачались, задержались в дрожащих руках и начали опускаться, падать на землю. В глазах воинов-ветеранов, выдавших и смерть товарищей, и кровь, и ужас рукопашной схватки, читался уже не просто страх гибели, а всепоглощающий, парализующий разум и волю, мистический ужас, сокрушающий самую основу человеческого существа. Дисциплина, этот стальной стержень, на чем держалась любая великая армия, лопнула, как гнилая веревка. На ее место пришел хаос.

И в этот самый, идеально выверенный момент, Угэдэй, не изменившись в лице, не дрогнув и бровью, не повысив и на полтона голоса, коротко, отрывисто, как удар острой сабли, бросил своему темнику приказ. Хан слушал звучание эвер бурэ, сделанные из рогов мифических яков, его сердце забило в ликовании. Низкий, протяжный, леденящий душу, тоскливый вой перекрыл на мгновение и оглушительный лязг чудесного Коня, и рев пламени, и стоны умирающих, и все остальные звуки этой бойни. Этот звук был похож на зов самой смерти.

Вражеское войско, полностью деморализованное, в панике, замешательстве и священном ужасе взирало на золотое, пылающее видение на холме. С левого фланга, на потерявшего волю противника, обрушилась настоящая лавина. Полки были заранее укрыты в складках местности, по воле хитрого и расчетливого ума Угэдэя. Это была свежая, не тронутая усталостью и потерями, отборная, элитная туменная конница — десять тысяч лучших всадников, сидевших на самых быстрых и выносливых лошадях, с обнаженными, отточенными до бритвенной остроты саблями наголо. Они неслись не с дикими, иступленными криками, а с холодной, сосредоточенной, молчаливой яростью, и от этого их атака была еще страшнее.

Удар этой стальной лавины пришёлся точно в сердце уже разлагающегося цзиньского строя. Там, где ещё тлели очаги сопротивления, где отдельные офицеры пытались собрать вокруг себя горстку бойцов.

Монгольские всадники врезались в толпу бегущих, как острые клинки в мягкое масло. Их длинные копыта пронзали спины, сабли описывали смертоносные дуги, снимая головы и отсекая конечности. Копыта коней давили упавших, превращая тела в кровавую кашу.

— Режь! Руби! — Раздавались крики требований десятников. — Не давать собираться! Гони их к скалам!

— За моего брата И! — Выл молодой всадник, в ярости разрубая цзиньского знаменосца пополам. — За всех, кто пал у этой проклятой стены!

— Пощады! — Кричали цзиньские воины. — Мы сдаёмся!

— Не убивай! — Страх и хаос царил в армии Цзинь. — У меня семья!

Один из цзиньских полководцев, закованный в великолепные латы, попытался организовать контратаку с горсткой верных «тевэй».

— За империю! За Сына Неба! — Закричал офицер, поднимая меч.

— Его встретила туча монгольских стрел. Он упал с коня, похожий на ежа, и был растоптан.

Произошедшее дальше, было уже не битвой, не сражением, а избиением, бойней, неконтролируемым побоищем. Сломленный, раздавленный дух армии Цзинь не смог противостоять этому стальному, сокрушительному и беспощадному тарану. Угэдэй приказал не оставлять никого, и приказ был выполнен с чудовищной эффективностью. Борохул на своём могучем коне носился по полю, как демон, направляя потоки своих воинов, отрезая пути к отступлению, дробил последние островки обороны.

Битва закончилась с последними лучами солнца, а Железные Врата, бывшие неприступной твердыней, теперь были лишь гигантской братской могилой, заполненной до краёв. Ручей на дне ущелья стал красным и вязким от крови. Угэдэй спустился с кургана и подошёл к Золотому Коню. Механизмы уже замолчали, пар рассеялся, только лёгкий дымок медленно поднимался из пастей. Исполин снова стал безмолвным, хотя и устрашающе прекрасным, словно статуя.

— Великий хан... механизмы... требуют проверки, так как в ходе работы произошёл перегрев... — Мастер Ли Сюань, чьи руки дрожали от усталости и напряжения, кланялся.

— Починишь. — равнодушно отрезал Угэдэй. Его взгляд скользнул по сияющим в сумерках золотым бокам идола. — Приказываю разобрать и спрятать. Пусть его внутренности останутся тайной для всех. Отныне он должен существовать только здесь. — Хан указал пальцем на свой висок.

— Да, великий хан. Сила мифа — в его непостижимости. — Кивнул старый инженер.

— Духи... довольны. Они насытились страхом... — Шаман Мунхэ осторожно приблизился к владыке, его глаза были остекленевшими.

— Хорошо. — согласился Угэдэй. — Им предстоит ещё много пиров. — Он обернулся к придворному летописцу, уже приготовившего кисть и свиток.

— Запиши! — Повелел хан, и его голос приобрёл официальные, веские нотки. — Когда чаша битвы переполнилась, и враг возомнил себя непоколебимым, само Вечное Синее Небо Тэнгри снизошло на поле брани. Дух предков наших, гневный и могучий, предстал перед глазами неверных, и обратились они в бегство, сломленные волей небес.

— Как же быть с творением мастеров? — Осторожно спросил писец, кивнув на Коня.

— О чём ты говоришь? — Угэдэй посмотрел на него так, что у того похолодела спина. — Было видение или чудо, запомни это.

Пока рабы начинали страшную работу на поле, а воины делили трофеи, по монгольскому стану уже ползли, нарастая, шепот, о битве ставшей со временем легендой.

— Видал? Сам дух Чингиса в него вселился!

— Говорят, от одного его взгляда сердца леденеют!

— Пока у нашего хана есть благословение Тэнгри и этот... дух... нам ничто не страшно!

Железные Врата были не просто взяты — они были сметены, раздавлены, стерты в пыль и кровь, но важнее была победа, одержанная не в ущелье, а в умах. Победа в этом сражении была достигнута не только и не столько силой оружия, сколько силой рожденного в тот день мифа. Мифа о Золотом Трехглавом Коне Угэдэя, чья неземная, демоническая ярость решила исход великой битвы и на чьем ослепительном золотом блеске будет строиться легенда о непобедимости монгольских ханов на долгие, долгие годы вперед. Тайное оружие, о чем шептались в разных углах царства, будет побеждать армии, даже будучи спрятанным. Ведь самое острое лезвие это тот ужас, что живёт в сердцах людей, передаваемый шёпотом из поколения в поколение. Угэдэй, стоя у потухающего костра, в этот кровавый вечер, знал это лучше всех.

Глава 2. Молчаливые свидетели степей

Равнина к востоку от Чанчуня простиралась до самого горизонта — бескрайнее жёлто-зелёное море, где поля чередовались с перелесками из низкорослых берёз и редкими холмами, похожими на спины уснувших зверей. Здесь, в низине, защищённой от ветра невысокой грядой, поросшей полынью и диким шиповником, уже второй месяц работала международная археологическая экспедиция под руководством профессора Вэй Жэньцзе, известного специалиста по эпохе монгольских завоеваний.

Ландшафт вокруг был древним, почти библейским, словно время остановилось здесь несколько столетий назад. Трава выгорела до соломенного цвета, и только у ручья, что протекал в полукилометре к югу, зеленели островки осоки и камыша. Ручей этот, мелкий и мутный, питался от подземных ключей и даже в самый сильный зной не пересыхал, давая воду экспедиции и деревенским стадам.

Саму деревню местные называли «Саньцзявань» — «Три дома у залива». Поселение виднелось на востоке с полутора десятком серых глинобитных строений под черепичными крышами, почерневшими от времени и дождей, разбросались вдоль единственной улицы. Оттуда по утрам доносилось пение петухов, лай собак и иногда звуки старинной песни, напеваемой древней старухой, сидящей на завалинке.

Дорога от деревни к раскопу была разбита грузовиками и тракторами до состояния стиральной доски. В сухую погоду она поднимала тучи серой пыли, оседаемой на одежде, на оборудовании, на лице, скрипела на зубах и забивалась в каждую пору. В дождливую превращалась в месиво, здесь можно было передвигаться только в резиновых сапогах, да и то с трудом.

Июльское солнце стояло в зените, и воздух над раскопом дрожал, как студень. Термометр, прикрепленный к шесту у входа в главную палатку, показывал тридцать восемь градусов, но в самом раскопе, где земля была снята на глубину двух метров, казалось, что все сорок пять. Духота стояла невыносимая, влажность, пришедшая с востока, с Японского моря, делала каждый вдох тяжёлым, словно пили кисель.

Над раскопом, кружась, парили коршуны — хищные птицы с широкими крыльями, высматривающие в траве мышей или ящериц. Их тени скользили по земле, добавляя пейзажу дикости. Где-то вдалеке застрекотал кузнечик, ему ответил другой, третий и вот уже весь воздух наполнился этим монотонным, усыпляющим стрекотом, сливающимся с жужжанием мух и шорохом ветра в сухой траве.

Иногда с юго-запада прилетал лёгкий ветерок, но он не приносил прохлады, только перемешивал горячий воздух, делая его ещё более душным. Тогда казалось, что стоишь у открытой печи. Рабочие, нанятые из соседней деревни, начинали свой день затемно в четыре утра, когда звёзды ещё не погасли, а над полями висел молочный туман. Они работали до девяти, потом делали перерыв на завтрак, затем снова выходили на раскоп и трудились до полудня, когда солнце становилось невыносимым.

Их было двенадцать, коренастые, загорелые до черноты мужчины в соломенных шляпах с широкими полями и хлопчатобумажных рубахах, давно потерявших первоначальный цвет и превратившихся в грязно-серые тряпки. На ногах у большинства были резиновые сапоги, несмотря на жару, потому что по утрам в раскопе стояла роса, и земля была скользкой. Кто-то работал босиком, закатав штаны до колен, но тогда ноги покрывались коркой засохшей глины, что трескалась при ходьбе и осыпалась мелкими чешуйками.

Они копали лениво, без прежнего энтузиазма третий месяц на одном месте, третья неделя без сколько-нибудь значимой находки. Только черепки, только кости животных, только бесполезный шлак. Археологи, конечно, объясняли, что «бесполезного» в науке не бывает, что каждый черепок может рассказать о быте и торговле, но крестьянам было это малоинтересно.

Им платили за кубометры вынудой земли, и они хотели побыстрее закончить квадрат и получить расчёт.

Старший из них, дядька Чжоу, был известен всей экспедиции своей медлительностью и введливостью. Лет шестидесяти, с морщинистым, как печёное яблоко, лицом, с узкими, вечно прищуренными глазами, он то и дело сплёвывал сквозь зубы — привычка, приобретённая за долгие годы работы в поле. На правой руке у него не хватало двух пальцев — оттяпало ещё в молодости на лесоповале, но это не мешало ему держать лопату и даже работать быстрее многих молодых.

Он был местной легендой. Двадцать лет назад он работал с другой экспедицией, тогда нашли золотую пряжку скифского времени, и Чжоу получил премию, денег хватило, чтобы поставить новый дом. С тех пор археологи из разных городов наперебой приглашали его на раскопки. Он знал, как пахнет древний слой, как хрустит под лопатой материк, как отличить случайный камень от надгробной плиты.

— Начальник, — окликнул он профессора Вэя на ломаном путунхуа, вытирая пот со лба грязным рукавом. — Обед скоро? Живот к спине прилип. Если не накормишь, я от голода прямо здесь упаду и завещаю своё тело науке. Пусть изучают, почему старики такие голодные.

— Работай, работай, — отмахнулся профессор, не поднимая головы от полевого дневника. — Сначала квадрат до материка. Накормлю, пальчики оближешь. У нас сегодня курица с рисом, я договорился.

— Ты так каждый день говоришь, — проворчал Чжоу, но лопату взял. — А вчера была капуста с рисом. Без мяса. Пальцы от такой еды не оближешь, а откусишь с досады. И где курица? Курица вчера была? Не было курицы.

— Будешь умничать и капусты не дам. — Сурово сказал Вэй, но в глазах его мелькнула усмешка. — Копай, старый ворчун. Может, найдём что-нибудь, тогда и курица, и свинина, и рисовое вино будут.

— Ой, не обманывай, начальник. — Чжоу сплюнул и вонзил лопату в землю. — Твоё «найдем» я уже третий год слушаю.

Рядом с профессором возился его аспирант, Чэнь Вэйминь — молодой человек двадцати пяти лет, щуплый, близорукий, с вечно растрёпанными волосами и родимым пятном на левой щеке. Очки на толстой оправе постоянно сползали на кончик носа, и Чэнь то и дело поправлял их тыльной стороной ладони, оставляя на стеклах грязные разводы.

Он уже третий год работал под началом Вэя, мечтал о докторской диссертации и планировал защитит по результатам этой экспедиции. Тема была многообещающей: «Экономические связи монгольских улусов по материалам раскопок в Северо-Восточном Китае». Для этого ему нужны были находки, хотя бы несколько бронзовых монет или фрагментов керамики с клеймами.

Чэнь работал самозабвенно, забывая о еде и сне, и сейчас, стоя по колено в глинистой земле, он осторожно выскребал кисточкой очередной слой, фиксируя каждый камешек, каждое пятнышко. Кисточка была самодельной — кусок мягкой проволоки с зажатым пучком верблюжьей шерсти. Её подарил Чэню старый монгольский археолог, и аспирант дорожил ею больше, чем дорогим фотоаппаратом.

— Профессор. — Позвал он, не оборачиваясь. — А вы верите, что мы что-то найдём? В этом квадрате? Или время зря тратим?

Вэй отложил дневник — толстую тетрадь в клеёнчатой обложке, исписанную мелким, убористым почерком, потёр переносицу. Он носил очки с треснувшей дужкой, скрепленной изолентой, и вечно терял ручки. Его полевой дневник был заляпан глиной и кофейными пятнами, но при этом аккуратен, как нотная партитура.

— Верить, Чэнь — это для монахов в храме. Учёный должен надеяться. И работать. Если ты будешь верить в каждую яму, то разочаруешься. А если будешь работать, то рано или поздно

удача улыбнётся. — Он помолчал, достал из кармана початую пачку сигарет, закурил, выпустил струю дыма в небо. — Мой учитель говорил: «Земля не отдаёт тайны тем, кто спешит. Она открывается терпеливым». Ты терпелив, Чэнь?

— Не знаю, честно ответил аспирант. — Иногда кажется, что нет.

— Вот и учишься терпению. Оно приходит с опытом. И с мозолями.

— Удаче, видно, зуб на меня. — Вздохнул Чэнь, вытирая пот со лба. — Третья неделя, а я даже черепка нормального не нашёл. Одна дрянь.

— Не каркай. Удача не любит нытиков. Она выбирает тех, кто улыбается даже когда спина болит.

Чэнь попытался улыбнуться. Получилось криво, но профессор кивнул, принимая попытку.

Чжоу копал в дальнем углу квадрата, куда солнце заглядывало особенно жестоко. Здесь, у северной стенки раскопа, земля была сухой, твёрдой, как камень, приходилось сначала разбивать её киркой, а потом уже выбирать лопатой. Старик работал методично, размеренно: удар кирки, пауза, лопата, бросок земли в тачку. Удар, пауза, лопата, бросок.

Он уже хотел позвать напарника, молодого парня по имени Сяо Ван, чтобы сменил его, спина затекла, руки тряслись от усталости, когда лопата глухо звякнула, наткнувшись на преграду.

Звук был не таким, как от камня, глубже, металлический, с лёгкой вибрацией, что передалась в древко и отозвалась в запястье. Чжоу замер. За двадцать лет работы с археологами он привык различать эти звуки. Камень — это «тук». Корень — это «хруст». Пустота — это «бух». А металл — это «звяк».

Он опустился на колени, не обращая внимания на грязь, и начал разгребать землю руками. Пальцы нащупали что-то твёрдое, прохладное, с ровной поверхностью. Не камень. Не корень. Не кость.

— Начальник! — Голос его дрогнул, и в этом дрожании слышалось нечто такое, от чего все вокруг замерли. — Иди сюда. Быстро!

Чэнь прибежал первым, споткнулся о ведро, чуть не упал, уронил очки, поднял, придерживая их рукой. За ним, тяжело дыша, подоспел профессор Вэй, бросив дневник прямо на землю. Рабочие побросали лопаты, обступили место находки плотным кольцом, вытягивая шею. Сяо Ван, напарник Чжоу, залез на тачку, чтобы лучше видеть.

— Отойдите! — Рявкнул Вэй, раздвигая толпу. — Дайте воздух! Чжоу, что там?

— Не знаю. — Старик присел на корточки, продолжая разгребать землю. Руки его слегка дрожали — не от страха, от волнения. — Металл. Старый. Очень старый. И большой.

— Сколько там? — спросил Вэй, опускаясь рядом на колени. — Видишь край?

— Ещё нет. Но, кажется, угол. Где-то здесь.

Они работали больше часа. Вэй лично руководил процессом, велел принести мелкие кисти, совки, пинцеты, набор стоматологических инструментов, используемых для тонкой расчистки. Землю убирали осторожно, миллиметр за миллиметром, боясь повредить то, что скрывалось под ней. Каждое движение, как у хирурга. Каждый комочек земли — под микроскоп.

Чжоу сидел на корточках, не вставая, и аккуратно выбирал грунт. Пот заливал глаза, но он не вытирал его, боялся смахнуть что-то важное. Чэнь стоял рядом с камерой и щёлкал каждый сантиметр, каждую фазу раскопок.

Из спрессованной, вековой земли постепенно проступал угол. Металлический угол. Зелёный, с бурными подтёками, покрытый благородной патиной времени. Медь. Оковка. Значит, сундук.

— Это сундук. — Выдохнул Чэнь, и голос его сорвался от волнения, перейдя на фальцет. — Профессор, это же сундук! Настоящий, окованный медью!

— Вижу, — Вэй дышал часто и прерывисто, как бегун после стометровки. — Вижу, Вэй-минь. Не мельтеши. Камера! Живо, с разных ракурсов! Снизу, сверху, крупным планом! Чжоу, осторожнее с левой стороны, там, кажется, ручка.

Чэнь метнулся в палатку, через секунду уже щёлкал затвором, перебегая с места на место, как военный корреспондент под обстрелом. Вэй тем временем приказал рабочим расширить раскоп, освободить сундук со всех сторон.

— Сяо Ван, иди с той стороны. Ли, ты с юга. Осторожно, не повредите! Там может быть что-то хрупкое. Лучше руками, без лопат.

Прошёл ещё час. Солнце клонилось к закату, тени удлинились, но никто не думал об отдыхе. Даже привыкшие ко всему крестьяне работали с необычным азартом — может быть, надеялись на премию, потому что чуяли нечто особенное.

Когда последний комок земли был счищен, перед ними предстал окованный медью ларец. Размером примерно с армейский вещмешок, но тяжелее — намного тяжелее, чем казался. На крышке — остатки замка, проржавевшего насквозь, и какие-то скобы, возможно, для ремней или верёвок.

— Вскрывать здесь или в палатке? — спросил Чэнь, с трудом сдерживая дрожь в голосе. Он уже представлял, как будет писать статью, как поедет на конференцию, как его имя появится в журнале «Nature».

— Здесь, — Вэй оглянулся на рабочих, жавшихся поодаль, вытягивая шеи, и на группу студентов-практикантов из Пекинского университета, прибежавших на шум и теперь перешёптывались, указывая пальцами на сундук. — При свидетелях. Чтобы потом никаких разговоров. Чжоу, помоги.

Вдвоём с аспирантом они поддели крышку монтировкой. Металл жалобно скрипнул, замок хрустнул и поддался. Крышка медленно поднялась, открывая взглядам внутренность сундука.

Внутри, переложённые истлевшей тканью, рассыпавшейся в пыль при малейшем прикосновении, лежали пластины.

Ткань когда-то была, вероятно, шёлком — тёмно-красным, с золотыми нитями. Но время превратило её в бурую труху, что покрывала металлические предметы тонким налётом. Чэнь осторожно сдул пыль, и под ней засверкал странный, неземной блеск.

Пластины были странной формы — несимметричной, выгнутой, напоминающей то ли лепестки, то ли части какого-то замысловатого механизма. Ни одной прямой линии, ни одного прямого угла. Только плавные изгибы, словно кто-то вырезал их по лекалу, понятному лишь ему одному. Края были идеально ровными — не обрубленными, а именно отрезанными или отлитыми по форме, предполагавшей соединение с другими частями.

Пластины были разного размера — от ладони до двух сложенных ладоней. Их было около десятка. Они лежали в несколько слоёв, и под ними угадывалось ещё что-то — может быть, такие же пластины, может быть, что-то иное. Одна, самая крупная, имела отверстие в центре — не сквозное, а скорее углубление, будто для вставки.

Металл не поддавался мгновенной идентификации. Он отливал тусклым серебром, но не блестел — скорее, впитывал свет, делая его матовым, приглушённым. На солнце он не нагревался, оставаясь холодным, словно только что вынули из ледника. На ощупь пластины оказались неожиданно лёгкими — намного легче, чем выглядели, — и гладкими, как стекло.

— Что это? — прошептал Чэнь, протягивая руку, но не решаясь дотронуться.

— Я не знаю, — честно ответил Вэй. — Я никогда не видел ничего подобного.

Он осторожно взял одну пластину, поднёс к свету. Повертел так и этак. Под лучами солнца на её поверхности не было видно ни царапины, ни гравировки, ни клейма, ни следов молотка или зубила. Никаких следов обработки, кроме той, что придала ей эту странную, аэродинамическую форму.

— Профессор, — Чэнь вдруг побледнел, — посмотрите на край. Вот здесь. Видите? Вэй поднёс пластину к глазам. На торце, едва заметная невооружённым глазом, проходила тончайшая линия — ровная, как по линейке, с микроскопическими зубчиками.

— Технологический шов, — выдохнул он. — Или место стыковки. Это не цельная деталь. Это часть чего-то большего.

— Но кто мог сделать такое в средневековье? — голос Чэня сел до шёпота. — Такую точность? Такую чистоту обработки?

— Не знаю, — Вэй положил пластину обратно. Он выпрямился, и тут все увидели, что старый профессор побледнел и его руки трясутся. — Чэнь, с этого момента никто не прикасается к находкам без моего разрешения. Ты понял? Никто. Даже я. Упакуйте всё в индивидуальные контейнеры. Мягкую обёртку — в несколько слоёв. Сегодня же свяжись с Пекином. Пусть присылают специалистов. И охрану.

— Думаете, может быть опасно? — спросил Чэнь, хотя сам уже знал ответ.

— Я думаю, — Вэй посмотрел на заходящее солнце, уже коснувшееся горизонта и красило небо в багровые тона, напоминающие цвет запёкшейся крови, — что мы нашли то, что искать не собирались. И теперь не знаем, радоваться этому или бояться.

После заката раскопки затихли. Рабочие разошлись по палаткам, получив двойную порцию риса и обещание премии. Студенты, возбуждённые находкой, долго не могли уснуть, перешёптываясь и строя догадки. Кто-то говорил, что это остатки древнего музыкального инструмента, кто-то — что детали боевой колесницы, кто-то — что фрагменты неизвестного научного прибора.

Профессор Вэй велел усилить охрану. Вокруг палатки с артефактами выставили двух сторожей из местных — крепких парней, кто должен был сменять друг друга каждые четыре часа. Вэй понимал, что от них толку немного, если придут профессионалы, эти парни не помогут.

— Чэнь, — сказал он аспиранту, когда они остались вдвоём в командирской палатке, — я хочу, чтобы ты сегодня ночью тоже был там. Ты — учёный. Ты понимаешь ценность находки. И у тебя есть голова на плечах, а не только кулаки.

— Я согласен, — кивнул Чэнь, хотя внутри у него всё сжалось. — Но, профессор, вы действительно думаете, что кто-то может напасть?

— Вэйминь, — Вэй понизил голос, — я старый человек. Я повидал много экспедиций. И я знаю: когда находят нечто, чего не могут объяснить, всегда находятся те, кто хочет это нечто украсть. Не ради денег. Ради тайны.

— Кто это может быть? Местные бандиты? Китайская мафия?

— Может быть. А может, и не местные. — Вэй закурил очередную сигарету. — Ты слышал о кражах в Монголии? Несколько лет назад. Тоже странные металлические предметы.

— Нет, не слышал.

— Вот и я не слышал. Потому что о таких вещах не пишут в газетах. Но слухи ходят. Будь осторожен, Чэнь. Очень осторожен.

Чэнь вышел из палатки. Ночь была тёплой, душной, с низкими облаками, скрывшими звёзды. Вдали, за ручьём, ухал филин, и этот звук казался зловещим предзнаменованием. Аспирант поёжился, поправил очки и направился к палатке с артефактами.

Палатка с артефактами стояла в отдалении от остальных — так велел профессор Вэй, опасаясь случайного повреждения. Внутри было душно — брезент не пропускал воздух, а единственное окошко с москитной сеткой давало мало прохлады. Чэнь сидел у входа, положив на колени фонарик и старый армейский штык-нож, переданный ему Чжоу «на всякий случай». Рядом стояла кружка с холодным чаем и початая пачка галет.

Он попытался читать научный журнал, но строчки расплывались перед глазами. Мысли путались. Он думал о пластине. О том, что они могут означать. О том, как изменится его жизнь после этой находки. Докторская защищена, место на кафедре обеспечено, а теперь ещё и

мировая сенсация. Профессор Вэй, конечно, главный, но и его, Чэня, фамилия будет в отчётах. Может быть, даже в учебниках.

Вокруг стрекотали цикады — монотонно, усыпляюще. Где-то вдалеке залаяла собака. Потом стихла. Чэнь зевнул, потянулся, глотнул чаю. Чай был тёплым и горьким.

Вдруг ему показалось, что с задней стороны палатки кто-то возится. Шорох. Очень тихий, почти неслышный. Чэнь насторожился, прислушался. Цикады заливались по-прежнему, но шорох не повторялся. Показалось, решил он, наверное, это связано с усталостью или нервным напряжением. Он задремал незаметно для себя, голова откинулась назад, руки упали на колени, фонарик выскользнул из пальцев и тихо стукнулся о землю. Журнал выпал.

Проснулся он от того, что чья-то тяжёлая, грубая ладонь зажала ему рот, а другая рука прижала голову к земляному полу. Пахло потом, табаком и чем-то сладковатым, химическим.

— Не дёргайся, — прошептал голос с акцентом, Чэнь не мог определить, он был не китайским, не монгольским, каким-то странным, гортанным, с придыханием. — Лежи тихо, и жить будешь.

В палатке было темно, но Чэнь успел заметить тени — четверо, не меньше. Они уже орудовали у ящиков, сбрасывая пластины в мешки. Беззвучно, быстро, профессионально. В свете уличного фонаря, проникавшем через щель, блеснуло лезвие.

Чэнь рванулся. Инстинкт сработал быстрее разума.

— Сюда! Грабят! Помогите! — Он вцепился зубами в ладонь, услышал сдавленный мат, вывернулся и закричал:

— Отдай! Не смей! — Он вскочил, бросился к ближайшему, вцепился в ногу. Мелькнуло лицо — скуластое, с узкими глазами, с родинкой на щеке.

Удар пришёлся в бок, ощущение холода пришло мгновенно. Что-то острое, холодное вошло между рёбер, и мир вдруг стал мокрым, липким и очень далёким. Чэнь упал лицом в пыль, ещё успел увидеть, как мелькнула чья-то тень, как посыпались последние пластины в мешок, как грабители выскочили через разрез в задней стенке палатки и провалился в темноту. Очнулся он от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Вэйминь! Вэйминь, очнись! Скорая уже едет, держись! — Над ним склонилось перекошенное лицо профессора Вэя — осунувшееся, бледное, с красными от бессонницы глазами, с дрожащими губами.

Чэнь попытался улыбнуться, но вместо улыбки вышла гримаса боли. Он повернул голову — палатка была перевернута вверх дном. Ящики разбиты, контейнеры разбросаны, ткань на задней стенке разорвана от пола до верха. Грабители, видимо, входили и с той стороны. Сундук стоял распахнутым и пустым. Все пластины, эти странные молчаливые свидетели давно ушедшей эпохи, исчезли.

— Профессор, — прохрипел Чэнь, чувствуя, как по боку течёт что-то тёплое и липкое, — я не уберёг... Простите...

— Молчи, дурак, — Вэй сжимал его руку, и по щекам старого учёного текли слёзы — он не вытирал их, не стыдился. — Молчи, главное — живи. Пластины — ерунда. Ты живи, слышишь?

Чэнь слышал. Но с каждой секундой слышал всё хуже. Где-то вдалеке завывала сирена — скорая ехала по разбитой грунтовой дороге, подпрыгивая на ухабах. Кто-то из студентов бежал навстречу, размахивая фонариком.

Чэнь закрыл глаза. И под веками ему почему-то почудился трёхглавый конь, скачущий по степи, изрыгающий пламя и топчущий землю копытами. Конь был сделан из того же странного металла, что и пластины, и глаза его горели алым. Он хотел рассказать об этом профессору, но не успел.

— Держитесь, молодой человек! — кричал кто-то в белом халате, склоняясь над ним. — Дышите! Не отключайтесь!

Чэнь открыл глаза, над ним, кроме профессора и санитаря, стояло ещё несколько человек — рабочие, студенты, все в одном бесформенном пятне. Он попытался что-то сказать, но язык не слушался. А потом скорая захлопнула дверцы, и свет погас.

Сомон Цэцэрлэг лежал в ста километрах к юго-западу от Улан-Батора, там, где бескрайняя монгольская степь постепенно сменяется пологими сопками, покрытыми ковылём и караганой. Место это было глухим, забытым Богом и людьми — до ближайшего города на грузовике трястись полдня, а до железной дороги и вовсе сутки.

Степь вокруг простиралась до самого горизонта — жёлто-бурая, выжженная июльским солнцем, с редкими пятнами зелёного там, где проходили ниточки ручьёв. Ветер гулял над ней свободно, ничем не сдерживаемый, и иногда казалось, что сама земля дышит этим ветром — глубоко, шумно, с присвистом.

Небо над степью было огромным — вдвое, втрое больше, чем над городом. Днём — густо-синим, почти чёрным у зенита, с редкими перистыми облаками, похожими на растянутую вату. К вечеру оно наливалось багрянцем, золотом и фиолетом — таким, что дух захватывало. Местные говорили: «Хан-Тенгри сам раскрашивает небо перед сном, чтобы мы помнили, как прекрасен мир».

Здесь, в этой степи, время текло иначе. Неспешно, тягуче, как топлёное масло. Люди здесь рождались, жили и умирали, не меняя привычек. Пасли скот, пили чай с молоком и солью, слушали, как поют горланы — так монголы называют дроф, — и верили, что земля помнит всё. Здесь каждый камень, каждый холм имел имя и историю. Говорили, что под одним из холмов спит древний воин, но может проснуться, когда степи снова понадобится защитник.

Именно здесь, на окраине сомона, стоял небольшой исторический музей — единственное каменное здание в округе, если не считать администрации и школы. Его построили ещё в семидесятые годы, когда советские специалисты помогали монголам развивать культуру. С тех пор здание не ремонтировали — только подбеливали стёкла и чистили крышу от снега зимой.

Музей знали лишь узкие специалисты — археологи, историки, краеведы, да редкие туристы, кто забредали в эти края в поисках аутентичной жизни. В путеводителях о нём не писали, в соцсетях не упоминали. Он стоял себе тихо, как старый пень, и хранил свои тайны.

Цэрэн — сторож этого музея — прожил в сомоне шестьдесят три года. Он родился здесь, в юрте, стоявшей на том самом месте, где сейчас располагалась его небольшая усадьба — два деревянных домика и загон для скота. В детстве он пас овец, потом служил в армии (в стройбате под Читой), потом работал шофёром, а когда здоровье подвело — устроился сторожем в музей. И проработал там двадцать лет.

За это время он изучил каждый экспонат, каждую пылинку на стекле, каждый скрип половиц. Знал, где что лежит, где какая витрина шатается, где какой замок заедает. Он открывал музей по утрам, раскладывал стулья для редких посетителей, протирал пыль с витрин и поливал цветы на подоконниках — единственные живые существа в этом царстве древностей.

Цэрэн был невысоким, коренастым, с широкими плечами и крепкими руками, помнившими и вожжи, и баранку грузовика, и винтовку. Лицо его было покрыто глубокими морщинами — не столько от возраста, сколько от степного ветра и солнца. Глаза — узкие, тёмные, с лучиками морщин в уголках — смотрели на мир спокойно и чуть насмешливо.

Он носил старый стёганный дэли (традиционный халат) даже летом — говорил, что так привык и что в нём не так жарко, как кажется. На голове — лисья шапка, ее он снимал только в самые жаркие дни. Походка у него была медлительной, вразвалочку — как у человека, кто никуда не спешит, потому что всё главное уже случилось.

Жена его умерла пять лет назад — от сердечного приступа прямо на огороде, когда полола морковь. Она была женщиной тихой, работающей, с золотыми руками. Цэрэн до сих пор не мог без слёз вспоминать, как она пекла боорцоги — маленькие печенья в форме зверей. Дети выросли и уехали в город: дочь в Улан-Батор, работает в гостинице, сын в Москву, учиться на экономиста, потом остался там, женился на русской. Цэрэн остался один. Внуки приезжали на лето, но в последние два года зятя стали реже отпускать — то учёба, то каникулы в другой стране.

Так что музей стал для него и домом, и семьёй, и смыслом жизни. Он разговаривал с экспонатами, когда никто не слышал. Спрашивал у черепа тарбозавра, как дела, жаловался статуэтке Белой Тары на боли в спине. И ему казалось, что они его понимают.

Утро того дня, когда всё случилось, началось обычно. Цэрэн проснулся затемно — в половине пятого, как всегда. За окном ещё было темно, только на востоке наливалась бледная полоска зари. Он встал, умылся ледяной водой из рукомойника — жена приучила, говорила, что это закаляет дух, — заварил зелёный чай с молоком и солью — сутэй цай, без него монгол не мыслит начала дня.

Потом надел дэли, шапку, взял связку ключей — тяжёлую, на ржавом кольце, — и вышел из дому. По дороге к музею он встретил соседа — старого Баатара, выгонявшего в степь коров. Баатар был ровесником Цэрэна, но выглядел старше — согбенный, с трясущейся головой, вечно в засаленном халате.

— Сайн уу? — спросил Цэрэн, приветствуя.

— Сайн, сайн, — ответил сосед, почесав затылок. — Ты чего рано? Музей не откроется раньше девяти.

— А мне всё равно, — улыбнулся Цэрэн. — Я там чай попью, порядок наведу.

— Чай? — Баатар хитро прищурился. — С коньяком?

— Типун тебе на язык, — отмахнулся старик. — Я человек непьющий. Ты меня знаешь двадцать лет, я и в праздники только кумыс.

— Все мы непьющие до обеда, — засмеялся сосед и погнал скотину.

Музей встретил Цэрэна тишиной и запахом пыли — особой, музейной пыли, смешанной с запахом старого дерева, лака и тысячелетних костей. Он отомкнул тяжёлый замок на входной двери — тот ещё советский, со звонком, — и вошёл. Полукруглый зал был погружён в полумрак, только из-под штор пробивались лучи рассвета, в них плясали миллионы пылинок. Старик прошёл к выключателю, щёлкнул — загорелись тусклые лампы дневного света, и музей ожил.

Он прошёл по залу, привычно оглядывая экспонаты. Витрины с костями динозавров — те самые, что нашли в Гоби ещё в двадцатые годы. Череп тарбозавра — уменьшенная копия тираннозавра, но с более страшной пастью. Скелет протоцератопса — маленького, смешного, с воротником. Цэрэн знал каждого динозавра в лицо, давал им имена. Вот этого, с треснувшим черепом, он называл «Бамбарууш» — «Неуклюжий». А того, длиннеего — «Урт хүзүү» — «Длинная шея».

Потом шли буддийские статуэтки — бронзовые и медные, привезённые из монастырей, разрушенных в тридцатые годы. Будды, бодхисаттвы, богини Зелёная Тара и Белая Тара. Цэрэн не был буддистом — он верил в шаманов и духов предков, — но статуэтки ему нравились. В них было что-то успокаивающее, вечное. Он иногда ставил перед ними маленькую пиалу с молоком — «чтобы им не было скучно».

В дальнем углу, у окна, стоял самый интересный стенд. Местные находки. То, что жители сомона приносили из степи — наконечники стрел, обломки ножей, конскую сбрую, керамику. И три пластины, что лет десять назад принесли чабаны.

Цэрэн подошёл к этому стенду, как к алтарю. Пластины лежали на бархатной подложке — три штуки, разного размера. Они были странными — не похожими на то, что он видел

раньше. Металл отливал тусклым серебром, но не блестел. Форма напоминала то ли чешую огромной рыбы, то ли фрагменты доспехов неизвестного воина. Одна пластина была размером с ладонь, другая — с две ладони, третья — самая маленькая, с мизинец.

А рядом с пластинами лежал тот самый узел — механизм, состоящий из миниатюрных форсунок и крошечного насоса. Форсунки были расположены в ряд, три штуки, каждая размером с ноготь. Насос был ещё меньше — величиной с напёрсток, но с шестерёнками, как ни странно, они до сих пор вращались, если подуть на них. Местные учёные, приехавшие смотреть на этот узел, только разводили руками.

— Неизвестный прибор?! — Говорили они. — Ничего подобного ни в одном музее мира. Похоже на систему впрыска топлива, но для чего? И какой эпохи? Металл не поддаётся анализу.

Цэрэн не понимал этих слов. Для него это были просто старые железки. Но почему-то они притягивали взгляд. В них было что-то... живое. Словно они помнили что-то, чего не помнили люди. Иногда по ночам, когда он оставался один, ему казалось, что пластины слегка светятся — тусклым, голубоватым светом. Он списывал это на усталость глаз.

Он протёр стекло стенда мягкой тряпкой, как делал каждое утро. Сегодня на стекле было какое-то странное пятно — будто от пальца. Он потёр сильнее — пятно не стиралось. Странно. Очень странно.

— Цэрэн! — раздался голос из коридора. Это была Дулма, уборщица и по совместительству его соседка. — Ты уже здесь? Я думала, ты проспишь.

— Проспишь с тобой, — Буркнул старик, не оборачиваясь. — Ты вчера грохотала ведрами до полуночи. Я думал, война началась.

— Не грохотала, а мыла полы, — обиделась Дулма, входя в зал с ведром и шваброй. — Директор сказал, что приедут какие-то важные гости из Улан-Батора. Надо порядок навести. Весь музей блестеть должен.

— Какие гости? — удивился Цэрэн, наконец обернувшись. — Я не слышал.

— А кто тебе скажет? Ты сторож, а не директор. Директор вчера уехал, сказал: «Дулма, подготовь всё. Люди из министерства приедут, будут смотреть экспонаты. Особенно тот странный узел». — Она понизила голос. — Говорят, им интересуются какие-то иностранцы.

— Иностранцы? — Цэрэн насторожился. — В нашем сомоне? Да тут и своих-то не бывает.

— А вот бывают, — Дулма многозначительно поджала губы. — Ты смотри, не зевай.

Дулма была женщиной лет пятидесяти, грузной, с громким голосом и тяжёлым характером. Она работала в музее уже десять лет и считала себя главной, потому что директор был человеком занятым и бывал в музее раз в неделю. С Цэрэном они постоянно ссорились — то из-за графика уборки, то из-за того, кто должен закрывать запасной выход, — но в глубине души уважали друг друга. Оба были из тех, кто держится за своё место, потому что другого нет.

— Ладно, — махнул рукой старик. — Моё дело — ключи и охрана. А гости пусть приезжают. Может, чаю привезут или коньяку.

— Чего ты привязался со своим чаем? — Дулма покачала головой. — Пойду я, у меня дел полно. И ты, Цэрэн, сегодня вечером не уходи раньше времени. Директор сказал — до восьми работаем.

— Работаем, так работаем. — Вздохнул старик.

Дулма ушла, а Цэрэн остался один. Он сел на стул у входа — старый, скрипучий, с ободранной обивкой, — налил себе чаю из термоса, достал старые чётки — подарок сына, привёз из Москвы, — и начал перебирать бусины. Время тянулось медленно. За окном поднималось солнце, заливало зал жёлтым светом, и пылинки плясали в лучах, как маленькие духи.

Около полудня, когда Цэрэн уже начал клевать носом, входная дверь скрипнула. Он вздрогнул, поднял голову. В дверях стоял мужчина — невысокий, коренастый, в тёмной куртке и кепке, надвинутой на глаза. Лица было не разглядеть — только смутный овал в тени.

— Закрыто? — Спросил мужчина на ломаном монгольском с акцентом, Цэрэн не мог определить диалект.

— Открыто! — Ответил старик, поднимаясь. — Заходи. Билет — пятьсот тугриков.

Мужчина молча протянул деньги, взял билет, не глядя, и медленно прошёл в зал. Он шёл целеустремлённо, не останавливаясь у динозавров, не глядя на статуэтки. Направился прямо к дальнему углу, к стенду с пластинами. Цэрэн насторожился, обычные посетители сначала рассматривали динозавров — они самые яркие. А этот... знал, куда идти.

— Вы в первый раз у нас? — Спросил старик, подходя ближе.

— Да. — Коротко ответил мужчина, не оборачиваясь. Он стоял у витрины, вглядываясь в пластины. — Эти предметы... откуда они?

— Нашли в степи лет десять назад. Чабаны принесли.

— Чабаны? — мужчина повернулся, и Цэрэн наконец увидел его лицо — молодое, лет тридцати, с острыми скулами, тонкими губами и холодными, почти прозрачными глазами. — И никто не исследовал?

— Исследовали, — ответил Цэрэн. — Учёные приезжали. Говорили, что не знают, что это. Станный сплав, не понять, какого века. Мужчина кивнул, будто услышал то, что хотел.

— А этот узел? — он показал на механизм с форсунками. — Тоже оттуда?

— Из того же местечка. Всё вместе лежало. — Цэрэн помолчал, потом спросил: — Вы учёный?

— Что-то вроде того, — мужчина усмехнулся. — Спасибо за информацию. — Он развернулся и быстрым шагом направился к выходу.

— Дедушка, ты сегодня один работаешь? — У двери остановился, бросил через плечо.

— Один, а что? — Сторож не понял зачем был задан этот вопрос.

— Ничего. — Мужчина вышел, и дверь захлопнулась.

Цэрэн постоял, глядя на закрытую дверь. Что-то в этом посетителе было не так. Слишком уверенный взгляд. Слишком правильные вопросы. И этот акцент... не русский, не китайский, не казахский. Какой-то другой.

Он подошёл к окну, выглянул — мужчина уже садился в чёрный джип с тонированными стёклами. Джип тронулся и уехал в сторону Улан-Батора.

— Станный, — пробормотал Цэрэн. — Очень странный.

День прошёл без происшествий. За весь день пришло ещё трое посетителей — школьная экскурсия из соседнего сомона (восемь девочек и два мальчика), да пара туристов из Германии, что забрели случайно. Цэрэн проводил экскурсию сам — директор уехал в Улан-Батор и оставил его за главного.

Он показывал кости динозавров, рассказывал про буддийские божества, а у стенда с пластинами задержался дольше обычного.

— Это самое загадочное в нашем музее, — сказал он школьникам, они слушали с открытыми ртами. — Никто не знает, что это такое. Учёные ломают голову уже десять лет.

— Может, это инопланетное? — спросил один мальчик, лет тринадцати, с острыми скулами и горящими глазами. Его звали Бат-Эрдэнэ, и он был самым любопытным в классе.

— Может быть, — улыбнулся Цэрэн. — А может, это наши предки были умнее, чем мы думаем. Может, они умели делать такие вещи, какие мы сейчас только изобретаем.

— А можно потрогать? — спросила девочка с косичками.

— Нельзя, — строго сказал старик. — Это музей. Смотреть глазами, а руками — нет.

После экскурсии он закрыл музей, как обычно, — проверил окна, двери, выключил свет. Но что-то его беспокоило. Какое-то смутное чувство, будто за ним следят. Будто в музее кто-то есть, кроме него.

Он выглянул в окно — на улице было пусто. Только ветер гонял пыль по дороге, да стая собак дралась на пустыре. Солнце уже садилось, окрашивая степь в багровые тона. Где-то вдали завыл волк — тоскливо, протяжно.

— Старею, — сказал он сам себе. — Мнительным становлюсь. Жена всегда говорила: ты, Цэрэн, как старый волк — всё чувствуешь, но уже не видишь.

Он уже собрался уходить, как вспомнил, что забыл проверить замок на запасном выходе. Вернулся, прошёл по тёмному коридору, включил свет в подсобке. Замок был в порядке. Он уже выключил свет и пошёл к выходу, когда ему показалось, что он слышит шорох — с той стороны, где стоял стенд с пластинами. Тихий, почти неслышимый. Будто кто-то трогает стекло.

Цэрэн остановился, прислушался. Сердце забило чаще. Он достал из кармана старенький фонарик — китайский, на батарейках, что вечно садилась, и включил. Луч света выхватил из темноты угол зала. Пусто. Он прошёл в зал, осветил вокруг. Всё на месте. Витрины целы, экспонаты не тронуты. Никого.

— Показалось, — пробормотал он и вышел, заперев дверь на два замка. Но в душе остался холодок.

Дома его ждал внук — Тэнгис, двенадцать лет, смыслённый парень с вечно взлохмаченными волосами и огромными карими глазами. Он приехал на каникулы из Улан-Батора и сейчас сидел на кровати, играя в телефоне.

— Деда, ты чего так долго? — спросил он, не отрываясь от экрана.

— Работа, — Цэрэн снял дэли, повесил на гвоздь. — Ты ужинал?

— Да, мать прислала еду с соседкой. — Тэнгис наконец поднял глаза. — Деда, а правда, что в музее есть волшебные железки?

— Кто тебе сказал? — насторожился старик.

— Баатар говорит, они светятся по ночам.

— Баатар много чего говорит, он пьяный всегда. — Цэрэн сел на стул, взял чай. — Нет никаких волшебных железок. Есть старые, непонятные. Учёные не знают, что это. А волшебство — это сказки для детей.

— А я уже не ребёнок, — обиделся Тэнгис. — Мне двенадцать.

— Двенадцать — это ребёнок, — усмехнулся дед. — Вот когда тебе будет двадцать, тогда и поговорим.

Он налил внуку чаю, поставил перед ним тарелку с боорцогами — сам испёк накануне. Тэнгис отложил телефон, принялся жевать.

— Деда, а ты видел когда-нибудь привидений?

— В музее? Нет. — Цэрэн задумался. — А вот в степи — видел. Один раз. Шёл огонёк по курганам. Я спросил у шамана, он сказал: это духи предков проверяют, не забыли ли мы их.

— Страшно?

— Нет, — старик покачал головой. — Это не страшно. Страшно, когда забываешь.

После ужина Тэнгис уснул, а Цэрэн долго сидел у окна, глядя на степь. Луна взошла, полная, жёлтая, как монета. Звёзды мерцали ярко. Где-то там, за горизонтом, лежали древние курганы, где спали ханы.

«Спят и видят сны, — подумал Цэрэн. — А мы ходим по их земле и не знаем, что она живая».

Он лёг, но сон не шёл. Всё ворочался, ворочался, а в голове крутились пластины, их странный блеск, их холодный металл, их тайна. И тот посетитель — в чёрной кепке, с холодными глазами. Зачем он приходил? Что ему нужно? Около одиннадцати он не выдержал. Встал, оделся, взял фонарик и старый охотничий нож — на всякий случай, и пошёл обратно в музей.

Ночь была тёмной — луна спряталась за тучами, и только звёзды тускло мерцали где-то высоко-высоко. Ветер усилился, завывал в щелях, гнал по дороге сухие перекасти-поле. Цэрэн шёл быстро, освещая себе путь фонариком. Ему казалось, что он слышит шаги за спиной, но оглядывался — никого.

Музей стоял тёмный, тихий. Входная дверь была заперта. Цэрэн обошёл здание, заглянул в окна — всё было на месте. Он уже хотел повернуть обратно, когда заметил, что одно окно — то, что выходило на запасной выход, — приоткрыто.

У него похолодело внутри. Он помнил, что закрывал это окно. Точно помнил — проверял дважды. Он достал нож, осторожно подошёл к окну, заглянул внутрь. В зале было темно, но в свете фонарика он увидел, что кто-то есть. Тень. Высокая, гибкая, двигается бесшумно, как кошка. Не одна. Двое, нет — трое. Они стояли у стенда с пластинами.

Цэрэн решил действовать. Он тихо открыл окно, влез внутрь, стараясь не шуметь. Сердце колотилось где-то у горла, готовое выскочить. Нож в руке дрожал — не от страха, от ярости.

— Эй! — крикнул он в темноту, включая фонарик на полную мощность. — Кто здесь? Выходи!

Тени замерли. Потом одна из них резко развернулась и бросилась на него. Цэрэн успел заметить лицо — молодое, с острыми скулами, с холодными глазами. Тот самый посетитель! Он попытался выставить нож, но не успел. Тяжёлый удар обрушился на его затылок — мир взорвался искрами, нож выпал из руки, и он рухнул на пол, как подкошенный. В ушах звенело, перед глазами поплыли красные круги.

Последнее, что он услышал — звук стекла, словно кто-то разрезал алмазом. От тонкого, противного скрежета сводило зубы, а потом — наступила тишина. Очнулся он от холода, лежал на полу, уткнувшись лицом в пыльный линолеум. Голова раскалывалась, во рту был привкус крови — видимо, прикусил язык. С трудом он поднялся, держась за стену, и побрёл в зал. Сторож включил свет и ахнул.

Зал был разорён. Не весь — только та его часть, где стоял стенд с пластинами. Витрины разбиты, осколки стекла хрустели под ногами. Экспонаты разбросаны — наконечники стрел валялись на полу, керамика расколота. Но динозавры и статуэтки остались нетронутыми.

Цэрэн подошёл к стенду. Стекло было аккуратно вырезано — ровное отверстие, будто работали профессионалы. Края — гладкие, без сколов, идеально прямые. Так мог сделать только тот, кто знал, что делает, и имел хороший инструмент. Пластины исчезли. Все три. И тот странный узел — с форсунками и насосом.

Старик опустился на колени, провёл рукой по пустой витрине. Потом заплакал — негромко, по-стариковски, всхлипывая. Не от боли — от обиды. Двадцать лет работы, ни одной кражи. И вот на тебе.

— Зачем им это? — Бормотал он, вытирая слёзы рукавом. — Это же просто старые железки... К чему это варварство, к памяти наших предков? Что они, проклятые, ищут? Какая сила в этих железках?

Он сидел на полу, среди осколков, и не мог подняться. Голова кружилась, тошнило. Сквозь пелену он услышал, как хлопнула дверь — кто-то вошёл в музей.

— Цэрэн? — Это была Дулма. — Ты почему свет не выключил? Я шла мимо, вижу — окна светятся. — Она вошла в зал и замерла. — О боже... Цэрэн! Что случилось?! Ты в крови! Она подбежала к нему, опустилась на колени.

— Грабители, — прошептал старик. — Украли... пластины... и узел...

— Я вызову полицию! — Дулма выбежала.

Полиция приехала через час. Молодой лейтенант, совсем мальчишка, с тонкими усиками и испуганными глазами, ходил по залу, записывал показания, задавал глупые вопросы.

— Ничего не заметили? Никого подозрительного не видели?

Цэрэн сидел на стуле, держась за голову, и вспоминал вчерашний день. Вспомнил того мужчину, заходившего в музей перед закрытием. Спрашивал про пластины, про узел. Лица не разглядеть — кепка низко, воротник поднят. Голос... голос странный — не монгол, не китаец, какой-то северный акцент.

— Был один, — сказал он. — Вчера днём. Спрашивал про пластины.

— Опишите.

— Не разглядел. Кепка низко, лицо в тени. Говорил... странно говорил. Будто русский, но с акцентом. Или казах. Я не знаю.

— Казах? — лейтенант насторожился. — Вы уверены?

— Не уверен. Может, туркмен. А может, таджик. Я в этих тонкостях не разбираюсь. Но холодный он был. Глаза — как лёд.

Лейтенант вздохнул, записал. Понятно, что толку от таких показаний — ноль.

— Следов не оставили? — спросил он эксперта, возившегося с отпечатками.

— Ничего. Стекло резали профессионально — без царапин. Отпечатков нет — в перчатках работали. Камеры наружного наблюдения? — обратился он к Цэрэну.

— Нет, — покачал головой старик. — У нас музей маленький, бюджет маленький.

— Плохо, — эксперт покачал головой.

— В больницу поедете? — спросил лейтенант.

— Нет, — Цэрэн покачал головой. — Домой пойду. К внуку. Надоело мне тут.

— Вы же сторож?

— Был сторожем, — поправил старик. — А теперь — увольняюсь. Пусть молодые работают. А я на пенсию, к овцам.

Он встал, взял свою шапку, и, прихрамывая, пошёл к выходу. Дулма хотела его остановить, но он отмахнулся. В больницу он всё-таки попал — через два дня, когда голова разболелась совсем невыносимо и его вырвало прямо во дворе. Внук испугался, позвал соседей. Приехала скорая из сомонного центра. Оказалось — сотрясение мозга средней тяжести и трещина в затылочной кости. Врач, пожилой русский, оставшийся в Монголии ещё с советских времён, покачал головой:

— Везёт тебе, Цэрэн. Ещё бы сантиметр и всё. Позвоночник.

— Мне всегда везло. — Прохрипел старик.

— Лежать две недели. Не вставать. И в музей не ходить.

Две недели в палате, и всё это время он думал. Думал о пластинах, о странном узле, о том, кому они понадобились. И о том, что, может быть, он был не прав, когда считал их просто старыми железками. Может быть, в них действительно была какая-то сила. Сила, что люди утратили, но очень хотят вернуть.

К нему приезжал следователь из Улан-Батора — серьёзный мужчина в кожаном пальто, с умными глазами. Задавал те же вопросы, записывал, кивал. Потом сказал:

— Вы не волнуйтесь, дедушка. Мы найдём. У нас есть зацепки.

— Какие? — Спросил Цэрэн.

— Не могу сказать. Следствие.

Цэрэн знал, что не найдут. Такие люди, как тот посетитель, не оставляют следов. Они приходят из темноты и уходят в темноту. Он вспомнил легенду, рассказанную бабушкой, когда он был маленьким. Они сидели у костра в степи, и бабушка говорила тихим голосом, глядя на звёзды:

— Слушай, внук. Давно-давно, когда наши предки ещё не знали железа, с неба упала железная птица. Она была огромной, с крыльями, как у орла, и изрыгала огонь. Птица разбилась, но её сердце уцелело. Сердце состояло из трёх железных пластин и узла с огненными дырами. Тот, кто соберёт сердце, получит власть над огнём и небом. Но сердце разобрали и

спрятали в разных местах. И сказали мудрецы: «Только когда степь снова нуждается в великом хане, сердце соберётся само».

Цэрэн тогда смеялся — сказки, глупости. А теперь не знал, что и думать. Три пластины — вот они, в его музее лежали десять лет. И узел с форсунками — огненные дыры. Неужели бабушкина сказка — правда?

— Может, и не сказки, — прошептал он, глядя в больничный потолок. — Может, предки знали больше нас. Может, эти железки — не железки вовсе.

Он закрыл глаза и увидел степь — бескрайнюю, вольную, с ветром и ковылём. И трёхглавого коня, скакавшего по ней, оставляя за собой огненный след. Конь был железным, но живым. Глаза его горели алым, а из ноздрей вырывалось пламя.

— Зачем вам это? — спросил он у коня. — Зачем вам наша память? Зачем вы пришли? Конь не ответил. Только огонь в его глазах разгорелся ярче, и степь вокруг запылала.

Через две недели Цэрэн выписался. Он вернулся в свой дом, сел на крыльцо, глядя на степь. Внук Тэнгис сидел рядом, молчал.

— Деда? — Спросил он наконец. — Ты вернёшься в музей?

— Нет! — Покачал головой старик. — Устал я, Тэнгис. Двадцать лет — это много. Пусть другие работают.

— А пластины? Их найдут?

— Не знаю, — Цэрэн погладил внука по голове. — Может, найдут, а может, нет. Но я тебе скажу, Тэнгис: не в пластинах сила. Сила в памяти. Пока мы помним, кто мы есть, никакой вор у нас не отнимет нашу степь.

Он замолчал, глядя, как солнце садится за горизонт, окрашивая небо в багровые тона. Где-то там, далеко, может быть, уже скакал железный конь. А может, и не скакал.

Цэрэн вздохнул, поднялся, взял внука за руку.

— Пойдём чай пить. Я тебе расскажу одну легенду. Про железную птицу и трёхглавого коня. Бабушка рассказывала, теперь я расскажу.

Тэнгис кивнул, и они вошли в дом.

А степь за окном шумела — ветер гнал ковыль, и казалось, что сама земля шепчет: «Помните. Помните. Помните».

Дмитрий Родинов с наслаждением откинулся в кресле, глядя на цифровые часы в углу экрана монитора. До конца рабочего дня оставалось пятнадцать минут. А завтра — самолёт, море, солнце и никаких срочных отчётов, анализа бесконечных малозначимых предметов из последней экспедиции. Он уже представлял, как они с женой и сыном будут загорать на пляже в Краснодарском крае.

Резкая трель рабочего телефона заставила его поморщиться. «Только не сейчас, — подумал Дмитрий. — Только не начальство с авралом». Он снял трубку, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Родинов слушает.

— Дмитрий? Здравствуй, голубчик! Рад, что застал! — Раздался в трубке знакомый, чуть глуховатый баритон.

— Александр Иванович! Здравствуйте! — Лицо Дмитрия мгновенно смягчилось, раздражение как рукой сняло. Он выпрямился в кресле и с неподдельной теплотой ответил. — А я уж думал, что все звонки на сегодня — это сплошная головная боль. Рад слышать вас.

— Дима, у меня к тебе дело, и оно, боюсь, не терпит отлагательств. — Профессор Акимов, его старый наставник, никогда не звонил просто так. После короткого обмена любезно-

стями голос Акимова стал серьёзным, почти мрачным. — Ты следишь за новостями археологии? В частности, за криминальной хроникой?

— Честно говоря, нет. — Дмитрий нахмурился. — Собирался в отпуск, голова уже не на работе.

— Понимаю... — Вздыхнул профессор. — Произошли две кражи. Одна в Китае, близ Чанчуня, другая — буквально на днях — в Монголии и меня очень беспокоит, что украдено.

— Что же? — Откликнулся Родинов на волнение профессора Акимова.

— Металлические пластины. В обоих случаях. В Монголии, помимо пластин, забрали ещё какой-то странный механический агрегат. — Александр Иванович зачистил, засыпал словами. — По описаниям, сплав металла идентичен тому, что нашли в Китае. Ничего подобного ранее не встречалось. Вора́м нужны были именно они.

— Александр Иванович, а что это за пластины? — Дмитрий слушал внимательно, в голове уже выстраивались первые, самые очевидные вопросы. — От чего они? Может, это части какого-то известного предмета? И главное, — Дмитрий сделал паузу, — для чего они похитителям? Кому могло понадобиться красть непонятные железки из двух разных точек практически одновременно?

— Понимаешь, Дмитрий... В том-то и дело, что я не знаю. Назначение этих предметов — абсолютная загадка. — В трубке повисла тишина. Акимов молчал несколько секунд дольше обычного. — Для музейной коллекции они представляли чисто научный интерес, как аномалия. Но для кого-то они, видимо, представляют интерес совершенно иного рода, — профессор тяжело вздохнул. — Мне нужен свежий взгляд. Я собираюсь поговорить с нашими молодыми коллегами, покопаться в закрытых архивах. Дима... у меня нехорошее предчувствие и очень нехорошее.

— Может выскажите свои предчувствия? — Предложил Родинов.

— Пока мне не хотелось бы тебя загружать, но завтра ты понадобишься. — На этом их диалог завершился.

Положив трубку, Дмитрий посмотрел на беззвучную заставку на мониторе. Мысли об отпуске растаяли, как дым. Перед глазами стояли позеленевший от времени сундук и странные, вырезанные в стекле отверстия. Кому и зачем понадобилось врываться в музей и на раскопки, чтобы украсть то, о чём сама наука ещё ничего не знает?

Дмитрий, завершив разговор, положил трубку и несколько минут сидел неподвижно, глядя в одну точку на стене. Затем поднялся из кресла и потянулся, вчера он уже предупредил еще раз об отъезде на курорт, спустившись во двор, сел в свой автомобиль, выдвинулся по знакомым улочкам к дому. За время неспешной езды в нем боролись два противоречивых желания, разобраться в предостережении Акимова или отправиться на отдых вместе с семьей.

Мысли об отпуске, о тёплом море, о шезлонге с коктейлем — всё это поблекло, отодвинулось куда-то на задний план. Перед глазами стояли другие картины — позеленевший сундук, аккуратно вырезанное отверстие в музейном стекле, ножевое ранение молодого аспиранта. И над всем этим — вопрос, зачем-то оставленный профессором Акимовым висеть в воздухе дамокловым, мечем.

Дома никого не оказалось, поэтому Родинов включил компьютер, открыл браузер и начал лихорадочно набирать запросы, связанные с кражей артефактов в китайском Чанчуне и про ограбление монгольского музея, где были похищены неизвестные пластины. Бегло пробежал глазами поисковую выдачу, открыл в браузере новую страницу и напечатал металлический сплав — археологическая находка. По каким-то причинам статей и новостей было немного.

Китайские коллеги хранили молчание, монгольские — отделались парой скупых строк в местной прессе. Информация просачивалась сквозь пальцы, как вода.

— Дима, как хорошо, что ты уже дома? — Голос жены, Елены, вошедшей тихонько в комнату, вырвал его из оцепенения. Она не задержалась в дверях, вкатила из спальни собранный чемодан и дорожную сумку. — До вылета еще пять часов, чтобы мы не опоздали в аэропорт, я уже такси заказала.

— А где Пашка? — Дмитрий посмотрел на жену, понимая, что времени до вылета осталось не много. Как только он вернулся домой, то следовало бы переодеться.

— Паша с каким-то своим другом разговаривает возле подъезда. — Елена взглянула на мужа с волнением. — Через пять минут поднимется домой.

— Леночка, прости меня... — Издалека начал Родинов, но осекся.

Лена, отличавшаяся терпением, хорошо распознала этот тон, она оттолкнула чемодан ногой в сторону, скрипнув тоскливо колесами тот отъехал, тогда молодая женщина скрестила руки на груди, требуя разъяснений.

— Акимов звонил. — Родинов печально вздохнул. — Наш старый профессор и мой друг.

— Чего же хочет Александр Иванович? — Рассердилась Елена. — Снова тебя в какую-нибудь тьмутаракань зашлет?

Дмитрий старался не посвящать в опасности, с чем периодически ему приходилось сталкиваться, поэтому лишь коротко пересказал разговор. Лена слушала молча, и с каждой секундой её лицо становилось всё более понимающим и всё более обречённым.

— Я все поняла, ты хочешь остаться. — Не спросила, а констатировала она. — Дима, ты же понимаешь, что мы отправимся на курорт без тебя?

— Уверен, через несколько дней я к вам прилечу! — Честно ответил Дмитрий. — У меня тоже есть чутье, что-то здесь нечисто, поэтому я не смогу отказаться от такого исторического расследования. Два ограбления практически одновременно в разных странах. Крадут не золото, не драгоценности, а какие-то непонятные железки, о чем даже никто ничего не знает.

— А ты знаешь? — Лена подошла ближе. — Вот мне кажется эта криминальная история не для тебя. Разве могут иметь отношение к спецназовцу, ставшего историком, какие-то непонятные металлические пластины?

— Акимов позвонил не просто так. — Дмитрий потёр переносицу. — Он что-то чувствует и утаивает от меня нечто важное. Завтра в фонде собирается наша экспертная группа, я не могу отказаться присутствовать на этом мероприятии. Да и Александр Иванович никогда не поднимал паники из-за пустяков. — Родинов запнулся, подбирая слова. — Помнишь ту историю десять лет назад, с пергаментом из Твери?

— Пап, ты уже готов? — В комнату ворвался Пашка и своим взлохмаченным видом, с наушниками на шее прервал их беседу.

— А папа с нами не летит! — Констатировала Елена, покидая комнату. — Твоего отца, Паша, снова заняли чем-то важным в фонде.

— Простите, мои родные! — Дмитрий улыбнулся. — Пашка, ты собрал все из своих вещей?

— Папа, ну почему у тебя что-то находится срочное в день отъезда? — Пашка замялся. — Все свое еще с вечера маме передал. Упаковано вон в том чемодане. Может ты пообещаешь мне приехать к нам в отель через несколько дней?

— Обещаю быстро разобраться с делами и прибыть к вам! — Улыбнулся Родинов.

— Ладно, я верю! — Пашка скрылся за дверью, и через секунду оттуда донеслось. — Пап, а ты купил мне ласты и маску?

— Купил! — Громко воскликнул Дмитрий. — Все в цветном пакете на тумбе в гостиной и даже кофр для подводной съемки.

— Ура! Ура! — Раздался радостный крик сына.

— Паша, такси прибыло. – Елена вошла вновь в комнату со смартфоном в руках.

Дмитрий взял из рук жены сумку, шагнул к чемодану, подхватил его за ручку и потащил багаж в прихожую. Родинов вспомнил, как несколько лет назад тоже должен был лететь с семьей на море, но в последний момент остался в столице из-за найденного документа. Вместо отдыха ему пришлось срочно расшифровывать плохо сохранившиеся строки, и эта работа вывела его с коллегами на след утерянной библиотеки тверских князей.

— Я попробую тебе снова поверить! — Прошептала Лена на ухо мужу, когда они спустились на лифте. — Надеюсь ты сможешь вместе с Акимовым разобраться в тайнах украденных пластин.

— Я доберусь хотя бы до крупницы истины и прилечу к вам. — Пообещал Дмитрий. — Интуиция Акимова... она никогда не подводила.

Когда водитель распахнул крышку багажника, Родинов загрузил поклажу, обнял на прощание жену и хлопнул ладонью по подставленной пятерне сына.

—Я обещаю. Это не займёт много времени. — Пробормотал себе под нос Дмитрий, провояжая взглядом автомобиль такси с семьей, выезжающий со вора. — Разберусь, что там к чему, и сразу к вам.

На следующее утро, вместо того чтобы потягивать кофе на веранде отеля в Геленджике, Дмитрий сидел в душном конференц-зале Фонда исторического наследия. За длинным столом, помимо Александра Ивановича, расположились четверо молодых ученых. Открытый интерес Родинова был направлен к коренастому монголоведу Саян Цыденову, приглашенному профессором Акимовым.

Друг Родинова, Владимир Тихонин, посматривал на присутствующих сквозь солнцезащитные очки. Рядом с ним сидела искусствовед и специалист по древним языкам Алла Танаева, она в последнее время сконцентрировала свой научный интерес

на декоративно-прикладном искусстве кочевых народов.

Акимов, осунувшийся и бледный, потягивал из чашки остывший кофе, хотя старому профессору это было строго запрещено. Перед ним на столе лежали распечатки фотографий — плохого качества, сделанные наспех, но всё же позволявшие разглядеть очертания украденных предметов.

— Спасибо, что пришли, друзья! — Начал профессор, пытаясь разглядеть что-то в кофейной чашке. — Ситуация, как вы уже знаете, из ряда вон. Я связался с коллегами из Китая и Монголии. То, что я вам сейчас покажу, — не для протокола. Это неофициальные данные, со мной поделились в частном порядке.

Он разложил перед собой фотографии так, что каждый мог дотянуться чтобы рассмотреть получше. Пластины на снимках выглядели невзрачно — серые, без намёка на гравировку или чеканку. Просто куски металла странной, почти органической формы. Владимир, поднял на лоб темные очки и, прищурившись, пододвинул к себе один из снимков.

— Александр Иванович, а можно увеличить вот этот край? – Попросил Тихонин.

Акимов кивнул, высказал эту просьбу оператору и через минуту изображение нужного ракурса высветилось на большом экране. Хотя с места картинку было хорошо видно, Тихонин подошёл ближе, всматриваясь в пиксели.

— Смотрите! — Владимир карандашом обвёл пальцем едва заметную линию на краю пластины. — Это не обломок, а технологический шов. Возможно, это место стыковки. Такая пластина не была отдельным предметом. Она была частью чего-то большего.

— Частью чего? — Нетерпеливо спросил Саян Цыденов, а подумал о своем. — Юрты? Конской сбруи? Я перерыл все монгольские фонды — ничего подобного не видел.

— И не мог видеть. — Тихо сказала Алла, до этого молча разглядывавшая фотографию странного узла с форсунками. — Это не юрта и не сбруя. Посмотрите на этот узел, разве не напоминает форсунки. Друзья, это не декоративный элемент, это часть технического агрегата.

В комнате повисла тишина и каждый пытался пофантазировать с точки зрения собственного представления.

— Аллочка, какой еще агрегат? — Переспросил Дмитрий. — Какая техника могла быть у монголов или татар в тринадцатом веке?

— Технически монголы были плохо оснащены. — Отрезал Тихонин. — Поэтому я и говорю — этого не может быть, потому что не может быть никогда. Первоначальные тесты говорят о тринадцатом веке.

— А если это не тринадцатый век? — Неожиданно спросил профессор Акимов. Все повернулись к нему. Профессор барабанил пальцами по столу, и в его глазах горел тот самый огонь, Дмитрий помнил энтузиазм Акимова с момента первого знакомства. — Коллеги из Чанчуна провели предварительный анализ сплава. Официально они молчат, но неофициально... Результаты, мягко говоря, озадачивают. Сплав содержит элементы, их по современным представлениям не должно быть в металлургии того времени, и соотношение изотопов очень странное.

— Какое именно? — Дмитрий почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Такое, что наши земные аналоги не дают, — Акимов понизил голос почти до шёпота. — Коллеги, эти пластины либо произвели по технологии, неизвестной нам до сих пор, либо материал для них добыли не на Земле.

— Метеоритное железо? — Саян Цыденов присвистнул. — Такое бывает. Чингиз-хан, говорят, носил амулет из метеорита.

— Метеоритное железо, Саян, выглядит иначе. — Покачал головой Акимов. — И кузнецы того времени умели с ним работать, но не с такой точностью. А эти пластины посмотрите на толщину. Она везде одинакова, до микрона. Вручную такое не выковать. Это штамповка или литьё в высокоточные формы, такое в тринадцатом веке тоже отсутствовало.

Дмитрий молчал, переваривая услышанное. Картина вырисовывалась тревожная. Кто-то охотится за артефактами, не вписывающимся в историческую парадигму. Кто-то знает о них больше, чем академическая наука. И этот кто-то готов идти на преступления, чтобы завладеть непонятными железками.

— У меня есть одна догадка. — Наконец произнёс Родинов. — Правда, возможно, покажется вам бредовой.

— Говори. — Кивнул Акимов. — Сейчас любая версия имеет право на существование.

— А если эти пластины — не часть одного предмета? Если они — часть разных предметов, разбросанных по разным местам? Кто-то собирает пазл. — У заинтересованных лиц уже есть часть кусочков, а эти кражи — способ добрать недостающие.

— Пазл? — Переспросила Танаева. — К какому черту пазл в тринадцатом веке?

— А если не в тринадцатом? — Дмитрий посмотрел на Акимова. — Александр Иванович, вы сами сказали про технологию, какой не должно быть. Если эти вещи — не из тринадцатого века? Если они просто оказались в тринадцатом веке? Как они туда попали — другой вопрос.

Тишина в комнате стала абсолютной. Слышно было только, как за окном шумит автомобилями магистраль, равнодушная к их умозаключениям.

— Ты хочешь сказать... — начал Тихонин, но осекся.

— Я хочу сказать, что мы должны опередить тех, кто охотится за этими пластинами. — Твёрдо произнёс Дмитрий. — Нужно понять, откуда они взялись. Где ещё могут быть подобные находки и кому они могли понадобиться.

— Значит, ты со мной? — Акимов с минуту смотрел на своего бывшего ученика, потом медленно кивнул.

— Да! — Дмитрий даже не заметил, как ответил. — Я с вами, а мой отпуск подождёт, а в голове всплыла фраза Александра Ивановича "Сплав не соответствует ни одной известной технологии..."

— Дима, ты о чем задумался? — Спросил осторожно Владимир в момент, когда Родинов шептал слово сплав.

— Я поймал себя на воспоминании о давней беседе с Александром Ивановичем. — Рассмеялся Дмитрий за свою рассеянность.

— О чем ты говоришь, Дима? — Нахмурился профессор. — О чем была беседа?

— Вспомните, Александр Иванович! — Родинов попытался дать толчок к воспоминаниям. — Пятнадцать лет назад в окрестностях Калуги обнаружили странную находку. Это была тоже пластина с какими-то странными следами жизнедеятельности, помещенная впоследствии в музей Циолковского.

Акимов вдруг замер, глядя в одну точку на стене, а затем взял со стола чистый блокнот и что-то стал черкать на листе ручкой. Пауза затянулась, Саян вопросительно посмотрел на Тихонина, Родинов терпеливо ждал завершения мыслительных процессов профессора

— Александр Иванович? — Осторожно позвала Алла.

— Погодите... — Тихо попросил Акимов. — Я ведь совсем забыл, ох моя голова старая... — Профессор вздрогнул, моргнул и перевёл взгляд на собеседников.

— Александр Иванович? — Напрягся Родинов. — С вами все порядке?

— Вот, наконец-то! — Голос его дрогнул. — Как же ты прав, я же видел нечто подобное! Лет пятнадцать назад. Мы с Владимиром Ильичом Самохиным. — Он полез во внутренний карман, достал потертый кожаный блокнот и принялся лихорадочно листать.

— Хорошо, что вспомнили, Александр Иванович! — Улыбнулся Дмитрий, а все молча наблюдали за профессором.

— В тот год ради научного интереса мы вместе с Владимиром Сергеевичем отправились в Калугу. — Акимов медленным взором окинул всех присутствующих. — Слава богу у тебя, Дима, крепкая память. В музее Циолковского Самохин и продемонстрировал эту обгорелую пластину.

— Вместе с моим отцом за какой-то пластиной вы отправились в калужский музей космонавтики? — Удивился Владимир.

— Слишком уж необычной эта вещь нам показалась. — Акимов говорил глухо, словно перенёсся в прошлое. — Металлическая пластина. Небольшая, с ладонь. Форма особенная — выгнутая, аэродинамическая, сложная пространственная геометрия. Мы с Владимиром Сергеевичем не могли упустить такую возможность и заинтересовались.

— И что? — Дмитрий не смог выдержать долгой паузы профессора, когда тот вдруг замолчал, а через минуту протянул флешку.

— Дай мне. — Владимир от нетерпения схватил флешку и сам воткнул в компьютер оператора.

На устройстве было много папок, обозначенных годами, получив подтверждение Акимова, оператор вывел на экран одно за другим изображения, сканированное со старых фотографий изображение низкого качества. В течении пяти минут все пытались всмотреться в особенности пластины с внешней и внутренней стороны. Профессор в течении этого времени сходил к кулеру и принес себе стаканчик с водой.

— На обратной стороне была странность. — Медленно произнёс Акимов, выпив всю воду из стакана. — Там была приварена трубка. Тонкая, металлическая и вокруг неё — следы сильного нагрева. Окалина, оплавления. Мы консультировались со специалистами и пришли к выводу, что из этой трубки выскочил огонь либо очень горячие пары.

— Сопло! — выдохнул Тихонин.

— Да. — Акимов в подтверждение закачал головой. — Рабочий элемент устройства, связанного с направленным выбросом энергии.

— В музее Циолковского лежит деталь реактивного двигателя? — Голос Аллы сел. — Ведь получается этой детали несколько сотен лет?

— Мы не знаем, сколько ей лет. — Качнул головой Акимов. — Тогда не было возможностей для анализа. Да и тема слишком скользкая. Эдуарду Максимовичу намекнули, что не стоит сенсаций разводить. И мы отступили. А сейчас...

Через четверть часа обсуждение завершилось. Когда все расходились Александр Иванович засобирался домой. Прощаясь с Тихониным и Танаевой, профессор выразительно молчал, поглядывая на Дмитрия, но тот понимал, что хочет сказать старый ученый. Сейчас эти пластины в Китае и Монголии — возможно, части того же устройства, чей фрагмент пылится в запасниках музея Циолковского. Раз Родинов активно включился в новые поиски, то ему и следовало бы отправиться в Калугу.

Вечерние сумерки опускались на подмосковный посёлок, скрытый от посторонних глаз вековым сосновым бором. Здесь, среди тишины и запаха хвои, располагалась частная резиденция министра промышленности и торговли Казахстана Даурена Муратовича Сатыбалдина, занимаемая на время своего визита в Москву. Официально — для отдыха между переговорами. Неофициально — для дел, о чем не должен был знать никто.

Внутри особняк поражал роскошью, выдержанной в восточном стиле, но с европейским комфортом. Полы из тёмного мрамора с мягкими коврами ручной работы с геометрическими узорами. Стены, отделанные деревом ценных пород, украшали старинные карты Великой степи и гобелены со сценами охоты. Тяжёлые шторы из бархата цвета индиго скрывали окна от посторонних глаз, а хрустальные бра отбрасывали приглушённый золотистый свет.

В центре гостиной, на возвышении, стоял массивный диван с резными подлокотниками из карагача, обтянутый верблюжьей шерстью. Рядом — низкий журнальный столик из чёрного дерева, инкрустированный перламутром. На нём дымился чайник с мятным чаем, стояли пиалы и ваза с восточными сладостями.

На диване, откинувшись на мягкие подушки, сидел хозяин резиденции. Даурен Муратович Сатыбалдин был одет не в обычный деловой костюм, а в длинный шёлковый халат тёмно-синего цвета, расшитый золотыми нитями и серебряными полумесяцами. Халат был явно ручной работы — каждый стежок, каждая завитушка говорили о тонком вкусе и немалых средствах владельца. На груди красовалась застёжка из тёмного нефрита в виде головы барса. Из-под халата виднелись белоснежные шаровары и мягкие кожаные чуваки.

Сам министр выглядел лет на сорок пять — подтянутый, с волевым лицом, тонкими усами и аккуратной бородкой. Глаза его — тёмные, глубокие — смотрели на мир с холодным расчётом, но иногда в них загорался огонь, напоминающий о древних степных завоевателях.

Рядом, чуть поодаль, стоял его помощник — молодой человек лет тридцати, крепкий, с короткой стрижкой и цепким взглядом. Звали его Ербол — Ербол Тлеуович. Он носил строгий чёрный костюм, белую рубашку и галстук, но в его движениях чувствовалась выучка, если не спецназа, то как минимум хорошей охранной структуры. Ербол был не просто помощником — он был правой рукой Кок-Тенгри, доверенным лицом, знавшим все его тайны.

На мониторе компьютера, стоявшем на угловом столе, всё ещё мелькали фотографии пластин, но сейчас внимание хозяина было обращено к Ерболу.

— Китайские товарищи подтверждают утрату трёх единиц, — докладывал Ербол, держа в руке планшет. — Монгольская сторона — тоже три плюс механизм. Исполнители — профи. Следов не оставили. Местная полиция в тупике.

Кок-Тенгри молчал, разглядывая изображение странного узла с форсунками.

— Хранители уже зашевелились, — продолжил Ербол. — Акимов собрал группу. С ним Родинов, тот самый, кто десять лет назад отыскал артефакты в Твери.

— Родинов, — задумчиво повторил министр, беря с подноса пиалу с чаем. — Историк? Что он может?

— У него нюх, и к тому же он офицер спецназа ГРУ с обширными связями, — пожал плечами Ербол. — Акимов ему доверяет.

Кок-Тенгри отхлебнул чай, поставил пиалу на столик. Помолчал. Потом поднял глаза на помощника.

Ербол понял, что настал момент для вопроса, мучившего его последние дни. Он шагнул ближе, положил на журнальный столик рядом с хозяином папку с последними докладами от агентов, и осторожно спросил:

— Кок-Тенгри, вы уверены, что мы сможем собрать коня целиком? Да и нужно ли это сейчас, в век триумфа цифровых технологий?

Министр усмехнулся — мягко, даже ласково, но в этой усмешке чувствовалась сталь.

— Относительно коня ты прав, Ербол, — сказал он, поправляя рукав халата. — Я не лелею планов восстановить механическое чудище. Это не игрушка и не танк. Да и кто в наши дни поверит в ржавого железного коня, пусть даже изрыгающего пламя? Нет. Моя цель иная.

Он встал с дивана, поправил халат, одёрнув его на плечах, и прошёл к окну. Там, за толстым стеклом, расстился парк — старые сосны, аккуратно подстриженные кусты, аллеи с фонарями, что уже зажглись и отбрасывали на дорожки причудливые тени. Электрический свет смешивался с сумерками, и парк казался сценой из какого-то древнего сказания.

— Я очень надеюсь, — продолжал он, не оборачиваясь, — что наши люди отыщут, проанализировав пути перемещения пластин, трёхглавую конструкцию. Головы. Именно ту часть механизма, способного внушать ужас и трепет.

— Зачем? — Ербол подошёл ближе, встал на шаг позади хозяина.

Кок-Тенгри медленно повернулся к нему. В его глазах горел тот самый огонь — огонь одержимости.

— В отношении века ты прав, Ербол, — сказал он, назвав помощника по имени. — Мы живём в век скоростей. Информация разлетается мгновенно. Спутники, интернет, смартфоны — всё это создаёт иллюзию, что люди стали умнее, просвещённые, рациональные.

Он сделал паузу, взял с журнального столика нефритовую застёжку, повертел в пальцах.

— Люди не изменились. Как говаривал один древний мудрец, чьё имя я забыл, но слова запомнил навсегда: «Чем сложнее становятся машины, тем проще должны быть слова, чтобы зажечь сердца». Или вот ещё, из нашего, степного: «Волк не перестанет выть на луну оттого, что люди изобрели ружья». Люди по-прежнему верят в чудеса. В магию. В знамения. В то, что можно прикоснуться к древности и получить её силу.

— Люди готовы принять всё сказанное на веру? — удивился Ербол. Он действительно не понимал этого — выросший в эпоху гаджетов и соцсетей, он привык проверять факты.

— Несмотря на все современные технологии, смартфоны и компьютеры, народ по-прежнему верит в мифы, — твёрдо сказал Кок-Тенгри, возвращаясь на диван и садясь снова. — Более того, чем больше информации обрушивается на человека, тем сильнее он жаждет простых, ясных ответов. А что может быть проще и яснее мифа? Вот тебе добро — вот тебе зло. Вот герой — вот враг. Вот древний артефакт, дарующий силу настоящему правителю.

Он взял с блюда пахлаву, откусил маленький кусочек, прожевал, запил чаем.

— Наша задача, как сказал один западный психолог, фамилию кого ты всё равно не выговоришь, — закрепить в мозгах людей некий ключ, слово, образ. Сделать так, чтобы при слове «возрождение» или «величие» они вспоминали не трудности, а романтику прошлого. Чтобы верили: жизнь может стать лучше, если перенести из прошлого лучшее. Понимаешь? Не всё подряд, а только то, что нам выгодно.

— И люди поведутся? — Ербол скептически поднял бровь.

— Люди верят в то, что им показывают и говорят по телевизору, — усмехнулся Кок-Тенгри. — А уж если то же самое повторят пятьдесят блогеров с миллионными аудиториями, прикрепят в подтверждение информацию о каком-нибудь древнем артефакте и потрогают его руками... — Даурен Муратович развёл руками. — Им останется только сделать шаг. Один маленький шаг.

— Какой? — Ербол осторожно сглотнул.

— Нам останется только отомкнуть этим ключом сознание нации. Запустить механизм. И люди сделают всё сами — чтобы привести нас к власти. Им будет казаться, что это их собственное решение, их свободный выбор. А на самом деле — мы просто поставили нужную музыку, и они танцуют.

— Сила древних мифов и легенд должна быть чем-то усилена реальным. — Министр помолчал, глядя на пламя свечи в канделябре. — В нашем случае — трёхглавая часть древнего механического коня, изрыгающего пламя. Представь, Ербол: по телевизору показывают не компьютерную графику, а настоящий артефакт. Его нашли в степи, при нём — следы огня, копать, застывшие капли металла. Эксперты (наши эксперты) подтверждают: возраст — семьсот лет. Технология — неизвестна. Назначение — неясно. И тут же появляется «расшифровка» древних рун: «Тот, кто соберёт коня, поведёт народ к величию».

— Люди увидят это своими глазами. Они поверят и затрепещут. — Ербол слушал хозяйина внимательно, и холодок пробежал по его спине. — В их сердцах распалится огонь — древний, почти забытый огонь предков. И они подарят нам власть. Не потому, что мы сильнее. А потому, что мы дадим им то, чего они хотят больше всего — надежду. И гордость. И чувство, что они — не никчёмные винтики в глобальном мире, а великий народ с великой судьбой.

— Вот зачем мне трёхглавый конь, Ербол. — Кок-Тенгри замолчал, взял пиалу, допил остывший чай. — Или хотя бы его голова. Как символ. Как ключ. Как запал.

— Тогда нам нужно действовать быстрее. Родинов и Акимов уже на следе. — Помощник стоял молча, переваривая услышанное, а потом кивнул.

— Знаю! — Министр поставил пиалу на столик. — Поэтому я приказал установить наблюдение. За институтом. За Акимовым. За Родиновым. И подготовку людей — лучших, Ербол. Самых лучших.

— Что с ними делать, когда они выйдут на след?

— Пусть ведут нас. Не спугните. А когда найдём... — Кок-Тенгри посмотрел на пламя свечи, и в его глазах отразились два маленьких жадных огонька. — Тогда и решим, что делать с этими энтузиастами от науки.

— Скоро, Ербол. Очень скоро. — Он поднялся, одёрнул халат, прошёлся по гостиной. Остановился у гобелена, изображающего всадника на трёхглавом коне, мечущего огненные стрелы. — Я чувствую это — всем нутром, каждой клеткой, доставшейся мне от великих предков.

Помощник молча поклонился и бесшумно вышел, притворив за собой тяжёлую дубовую дверь. Кок-Тенгри остался один. Он смотрел на гобелен, и губы его шевелились, беззвучно повторяя древние имена — Угэдэй, Батый, Хубилай. Его предки. Его вдохновители. Его судьба.

— Я не подведу вас, — прошептал он. — Я верну степям былую славу. Клянусь Синим Небом.

Разговор в институте затянулся далеко за полночь. Дмитрий поймал такси и поехал домой, но в голове по-прежнему шумело от голосов, версий, догадок. Дома было пусто и непривычно тихо. Лена с Пашкой уже улетели. На кухонном столе лежала записка: «Еда в холодильнике. Не забывай есть. Звони каждый день. Пашка без тебя скучает. Целую. Л.». Дмитрий усмехнулся, когда же Лена успела написать ему напоминание, сунул записку в карман и, даже не разувааясь, прошёл в кабинет. Азарт захватил его целиком. Он включил компьютер, открыл новостные ленты, но ничего похожего не нашёл — официальные СМИ молчали.

Тогда он полез на специализированные форумы, в закрытые базы данных. Информация просачивалась по крупницам: скупые заметки в китайской научной периодике, пара абзацев в монгольской газете, слухи на форумах коллекционеров. Картина вырисовывалась тревожная. Пластины исчезали не в первый раз. За последние пять лет было зафиксировано как минимум три похожих инцидента.

А потом он вспомнил слова Акимова о Калуге. Пальцы сами застучали по клавиатуре, оставалась надежда отыскать на просторах интернета изображение лучшего разрешения, чем на флешке Акимова. На третьей странице выдачи он наткнулся на форум любителей альтернативной истории, где кто-то выложил фотографию. Фотография была плохого качества, но пластину можно было разглядеть. Странная выгнутая форма, тонкая трубка на обороте, следы копоти вокруг.

— Чёрт возьми, — прошептал Дмитрий. — Как же это удивительно похоже на сопло. — В кармане завибрировал телефон. Экран высветил фото жены. — Лен, прости? — Ответил Дмитрий, не отрывая взгляда от фотографии

— Дима, престань. — Голос Лены звучал устало, но тепло. — Мы хорошо заселились. Море здесь потрясающее. Пашка уже побежал купаться, хотя время позднее. Сказал, что хочет наловить крабов.

— Это хорошо, родная! — Рассеянно ответил Дмитрий. — Купайтесь, отдыхайте... Только за Пашкой присматривай.

— Дима!?! — Лена сделала паузу. — Ты чего? Опять сидишь за компьютером? Даже не ужинал, наверное.

— Ужинал, — соврал он. — Бутерброды были. — Дмитрий виновато посмотрел на тёмный экран монитора.

— Врёшь! — Беззлобно констатировала Лена. — Ладно, рассказывай.

Дмитрий вздохнул и принялся рассказывать. О пластинах, о кражах, о странном сплаве, о калужской находке, о том, что они с Акимовым теперь собираются делать. — Понимаешь, это не просто артефакты, а от этого я ни есть, ни спать не могу, пока загадку не раскрою. — закончил он. — Это что-то совсем другое. Кто-то охотится за ними, а мы даже не представляем, с чем имеем дело.

— Я в тебя верю! — Тихо сказала Лена. — Ты историк и знаешь, что любая загадка имеет разгадку. Только обещай мне одно.

— Что? — Родинов печально вздохнул, ведь так хотелось к жене и сыну.

— Будь осторожен. Если эти люди пошли на убийство в Китае, они не остановятся. Ты мне нужен живой и Пашке нужен. Постарайся быть осторожнее, а если будет нужно попроси помощи у Тихонина.

— Обещаю! — Он улыбнулся одними губами.

— А теперь иди поешь, потом спать ложись. Завтра новый день. — Затем он почувствовал нечто щемящее, передаваемое от жены даже по телефону. Еще, Дима...

— Да, любимая? — Прошелестел голос Родинова.

— Я тобой горжусь. Целую. Пашка тоже просил передать привет, набегался.

Связь прервалась. Дмитрий ещё минуту сидел, глядя на погасший экран, потом захлопнул ноутбук и пошёл на кухню, осознавая, что завтра будет новый день и, возможно, самый важный в его жизни.

В тот же вечер, в одном из неприметных офисных зданий на окраине подмосковного города, человек в строгом костюме без опознавательных знаков просматривал отчёт, лёгший на его стол час назад. На мониторе мелькали те же фотографии пластин, что обсуждали в институте, только качество было на порядок выше.

— Китайцы подтверждают утрату трёх единиц, — докладывал стоящий навытяжку помощник. — Монголы — тоже три плюс механизм. Исполнители — профи. Следов не оставили. — Человек в костюме молчал, разглядывая изображение узла с форсунками.

— Хранители уже зашевелились, — продолжил помощник. — Акимов собрал группу. С ним Родионов, тот самый, кто увел у хронимумов артефакт времени.

— Родионов, — задумчиво повторил человек. — Историк?

— У него нюх, — пожал плечами помощник. — У него обширные связи, да и профессор Акимов ему доверяет.

— Эти пластины. — Тихо сказал он. — Их ищут не только наши конкуренты. — Человек в костюме откинулся в кресле, посмотрел в окно на тёмное небо. — Их ищут те, кто знает, что это на самом деле. Вопрос — успеем ли мы раньше них или раньше людей старого хранителя.

— Ваш приказ будет исполнен беспрекословно. — Он помолчал, потом повернулся к помощнику. — Уверен, мы сможем обойти в этом марафоне всех конкурентов.

— Установите наблюдение за институтом. За Акимовым, за Родионовым. Если они выйдут на след — мы должны быть рядом. Пусть ведут нас. А когда найдём... тогда и решим. — Помощник кивнул и бесшумно вышел.

Человек в костюме ещё долго сидел неподвижно, глядя на фотографии пластин и вспоминая старую легенду о «железных птицах». По преданиям сибирских шаманов, они падали с неба ещё до того, как Чингиз-хан объединил степи. Легенду эту он слышал от деда, тогда он считал её сказкой, а теперь — не знал, что и думать.

Дмитрий захлопнул ноутбук и решительно направился на кухню. Хватит на сегодня. Голова и так раскалывалась от пластин, форсунок, странных сплавов и версий, от них становилось всё фантастичнее. Он включил чайник, достал из холодильника колбасу, хлеб, масло — соорудил основательную стопку бутербродов. На часах было без пяти восемь. Самое время для вечерних новостей.

Устроившись в гостиной с тарелкой и дымящейся кружкой, Дмитрий щёлкнул пультом. На экране замелькали привычные кадры: заседания, совещания, где-то пожар, где-то наводнение. Диктор с идеальной дикцией вещал о международной обстановке. Дмитрий жевал, слушал вполуха и думал о своём. О странных пластинах, о словах Акимова, о калужской находке. Мысли путались, накладывались на новостные сюжеты, и в какой-то момент ему показалось, что диктор тоже говорит о монгольских древностях.

— ...нестабильность в регионе может привести к эскалации... — Он тряхнул головой. Нет, это о другом, о политике.

Не прошло и пяти минут, как резкая трель дверного звонка врезалась в тишину квартиры, заставив Дмитрия вздрогнуть и от этого даже чай расплескался на блюде.

— Кого там несёт в такое время? — Пробормотал он, поднимаясь с дивана.

В глазок он смотреть не стал — привычка, оставшаяся ещё с девяностых, когда в глазок никто не смотрел, потому что всё равно ни черта не видно в темноте. Просто распахнул дверь.

На пороге стоял Иван Павлович Бордин, его тесть и генерал-лейтенант в отставке, но, судя по виду, в отставке только номинально. Крепкий, подтянутый, с квадратными плечами и квадратной челюстью, он возвышался в дверном проёме, загораживая свет с лестничной клетки.

— Здравствуйте, Иван Павлович, — Дмитрий посторонился, пропуская тестя в прихожую. В голове пронеслось: генерал просто так не приходит. Никогда.

— Прости за поздний визит, Дима, — Бас Ивана Павловича привычно заполнил всё пространство маленькой прихожей. Он уже скидывал туфли, не дожидаясь приглашения. — Чаем угостишь, хозяин?

— Проходите на кухню. — Бросил Дмитрий в спину тестю, оставшегося в носках, уже направлялся в ванную мыть руки — привычка военная, вьёвшаяся в кровь. — Что, опять некому родину спасти?

Он произнёс это громко и иронично, но в голосе проскользнула тревога, какую не скрыть никакой иронией. Дмитрий вернулся в гостиную, забрал тарелку с бутербродами и недопитую кружку, перекочевал на кухню. Пока генерал шумел водой в ванной, он налил ещё одну чашку, поставил на стол, придвинул сахарницу и сел в ожидании.

Иван Павлович вышел из ванной, вытер руки бумажным полотенцем и тут же комкал и отправил в ведро. Опустился на кухонный табурет рядом с Дмитрием — табурет жалобно скрипнул под центнером генеральского веса. С минуту они сидели молча, а затем генерал окинул взглядом бутерброды, одобрительно хмыкнул, взял один, откусил сразу треть, запил чаем, довольно прищурился. Дмитрий терпеливо ждал, он знал этот ритуал: сначала еда, потом разговор. Так было заведено в семье жены, и за двадцать лет брака он привык.

— Хороший чай! — Наконец сказал Иван Павлович, отодвигая пустую кружку. — Лена заваривает?

— Я заварил, Леночка наша на море. — Усмехнулся Дмитрий. — Лена с Пашкой в Геленджике, если вы забыли.

— Помню, помню! — Генерал махнул рукой. — Звонил им час назад. Пашка крабов ловит, говорит, уже трёх поймал. Врун, наверное, но молодец.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Дмитрий видел, как меняется выражение его лица — из домашнего, дедовского, превращается в генеральское, используемое Иваном Павловичем на совещаниях в старые времена.

— Дима! — Начал тесть, и голос его звучал уже не по-домашнему, — помнишь Туркменистан? Лет пять назад?

Дмитрий помнил, ещё бы он не помнил. Та командировка начиналась, как обычная научная экспедиция, закончилась рукопашной в придорожном кафе и нейтрализацией киллера, посланного убрать русского учёного-нефтяника. Тогда именно Иван Павлович, имевший связи в определённых кругах, попросил Дмитрия «просто присмотреть» за коллегой. Дмитрий, прошедший в Афгане службу в спецназе, исторический факультет, а потом ещё два контракта по молодости, «просто присмотрел» так, что до сих пор вспоминать не любил.

— Помню. — Сухо коротко ответил Дмитрий. — А что?

— Сейчас, возможно, спасти никого не нужно. — Веско сказал генерал. — Опыт твой, особенно опыт работы в Средней Азии, очень может пригодиться. — Иван Павлович отодвинул кружку, положил тяжёлые руки на стол. От выбранной позы тестя Дмитрий нахмурился. Он уже догадывался, к чему клонит тесть, но надеялся, что ошибается.

— Я сегодня на совещании был, — продолжал генерал. — С людьми из... ну, ты понимаешь, из каких структур. Спецслужбы, если коротко. Разговаривали о ситуации в Казахстане. Я, извини, рассказал о тебе и о твоих возможностях.

— Иван Павлович, — Дмитрий постарался, чтобы голос звучал ровно, — я, вообще-то, через неделю или может раньше планировал к Лене с Пашкой присоединиться. Даже отпуска на работе законного добился.

— Знаю, позавчера с Тихониным старшим беседовал. — Кивнул генерал. — Ты не егози, дослушай сначала.

— Слушаю. — Дмитрий вздохнул, откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди.

— В Казахстане ситуация накаляется. — Иван Павлович говорил спокойно, но каждое слово ложилось тяжело, как гиря. — Национализм растёт как на дрожжах. Пока это только на уровне разговоров, митингов, блогосферы, тенденция тревожная. Если рванёт — подожжёт всю Среднюю Азию. Русских, немцев, корейцев, всех, кого там считают «неродными», могут начать выдавливать. Жёстко и с угрозой для жизни.

— А местная власть? — перебил Дмитрий. — Силовики? Они что, смотрят на это сквозь пальцы?

— Власть реагирует вяло. — Поморщился генерал. — Очень вяло, то ли не хотят обострять, то ли сами не понимают масштаба. Может понимают, но рычагов нет.

Он потянулся за вторым бутербродом, откусил, прожевал, запил чаем. Дмитрий молчал, ждал продолжения. Он знал: если Иван Павлович пришёл лично, значит, дело не только в националистах и митингах.

— Главная проблема не в этом. — Подтвердил его догадки генерал. — Главная проблема — организаторы. Мы не можем вычислить, кто реально стоит за всем этим. Есть только догадки, кто льёт бензин в костёр, а кто координирует.

— А что, есть версии? — Дмитрий имитировал интерес.

— Есть! — Иван Павлович прищурился. — И тут самое интересное. В блогосфере, на разных ресурсах, в соцсетях последние месяцы идёт странная волна. Пиарят монголо-татарских ханов. Золотую Орду. Древние обычаи. Призывают к возрождению «степного духа». И всё это — на фоне призывов к смене конституционного строя. Дмитрий замер, бутерброд, что он собирался откусить, застыл в воздухе.

— Монголо-татарских ханов? — Переспросил он. — В Казахстане?

— Ага! — По-домашнему кивнул генерал. — Странно, правда? Вроде Казахстан — это казахи, Чингисхан, конечно, тоже часть истории, но не настолько, чтобы делать на этом идеологию. А тут — прямо культ личности каких-то средневековых завоевателей. Что характерно — посты эти идут не из Казахстана. Или не только из Казахстана. Следы ведут в разные стороны и в Россию в том числе.

Дмитрий медленно положил бутерброд на тарелку. В голове лихорадочно защёлкали шестерёнки. Монголо-татарские ханы. Древние обычаи. Золотая Орда. И тут же — пластины странной формы, украденные в Китае и Монголии. Механический узел с форсунками. Известный сплав.

— Иван Павлович! — Сказал он осторожно. — Эти призывы к возрождению обычаев... Они как-то связаны с конкретными артефактами или может какими-то находками?

— А ты откуда знаешь? — Спросил Бордин. — Там, в некоторых постах, мелькают странные вещи. Говорят, о неких «ключах предков», о «железных птицах», о «дарах неба», которые надо вернуть, чтобы возродить величие. — Генерал посмотрел на него с интересом. — Мы сначала думали — обычная мифология, шаманские штучки, а потом...

— Что потом? — Дмитрий подался вперёд.

— Потом выяснилось, что в Монголии украли из музея какие-то древности и в Китае тоже. Наши коллеги из соответствующих органов заинтересовались, но пока тихо. Информа-

ция закрытая. Но совпадение... сам понимаешь. — Дмитрий хорошо себе представил, как интересы из разных направлений сплетались в один тугой узел, разрубить эту загадку пока ему не по силам.

— Я сегодня на совещании как раз об этом и говорил. — Продолжал Иван Павлович. — О связи националистической пропаганды с интересом к древностям. Мои собеседники — люди серьёзные, они тоже видят эту связь. Им нужен человек, разбирающийся в истории региона, в культуре, в археологии. Кто сможет проанализировать информацию, понять, что реально, а что — пропаганда. И при этом — человек, способный не растеряться, если случится что-то серьёзное.

— Вы снова меня предложили. — Констатировал Дмитрий.

— Тебя. — Кивнул генерал. — Извини, Дима, но я только одного такого человека знаю в ком историк и боевой офицер спецназа живут одной судьбой. Я понимаю про отпуск, про семью, но дело серьёзное. Если эти игры с древностями и национализмом сольются в одну точку... может рвануть так, что мало не покажется. А ты — историк, ты знаешь регион, у тебя есть опыт. И главное — ты умеешь работать в стрессовых ситуациях. Это редкость среди учёных.

Дмитрий молчал, а в голове крутились обрывки мыслей: пластины, кражи, калужская находка, блогеры, воспевающие ханов, и над всем этим — смутная, пока не оформленная, но уже пугающая связь.

— Что именно от меня хотят? — Спросил он наконец.

— Пока — только готовность. — Иван Павлович развёл руками. — Ситуация может развиться по-разному. Возможно, обойдётся, и ты через неделю полетишь к своим в Геленджик. А возможно... в общем, я прошу тебя быть наготове. Изучить документы, что я принёс. Там подборка по ситуации в Казахстане, по этим блогерам, по странным находкам. Если что-то заметишь, сразу звони мне. Или напрямую тем людям, с кем я тебя сведу.

Он полез во внутренний карман пиджака, висевшего на спинке стула, и достал скрученную в трубку тонкую пластиковую папку с гербовой печатью на обложке.

— Здесь несекретно. — Сказал он, кладя папку на стол. — Точнее, секретно, но для тебя допуск оформят задним числом, если понадобится. Просто ознакомься, но без фанатизма. Дмитрий взял папку, повертел в руках. Лёгкая, а внутри — целый мир либо, возможно, начало новой командировки, способной перечеркнуть все планы на отпуск.

— А Лена? — Спросил он. — Если меня вдруг... призовут... она же с ума сойдёт.

— С Леной я поговорю, — твёрдо сказал генерал. — Сам ей объясню. Она у меня дочь умная, поймёт, не сразу, но поймёт. — Иван Павлович поднялся, одёрнул рубашку, заправленную в брюки.

— Ладно, Дима, пойду я. Дела. Спасибо за хороший вкусный чай. Бутерброды тоже. Ленке привет передавай, когда позвонишь.

— Передам! — Дмитрий тоже встал, проводил тестя в прихожую.

— Дим? — Сказал он негромко, по-отечески. — Я понимаю, что ты хотел отдохнуть. — Уже у двери Иван Павлович обернулся, положил тяжёлую руку ему на плечо. — Я понимаю, что втягиваю тебя в опасную историю. Но поверь старому генералу: если эти люди дорвутся до того, что ищут, — плохо будет всем и нам, и казахам, и китайцам с монголами. Так что... будь готов.

— Буду! — Пообещал Дмитрий.

Генерал кивнул, вышел, и тяжёлая дверь захлопнулась, отсекая прихожую от лестничной клетки. Дмитрий вернулся на кухню, сел за стол, долго смотрел на папку, лежащую перед ним. Потом перевёл взгляд на тарелку с недоеденными бутербродами, на остывший чай. За окном шумел вечерний город, где-то далеко, на юге, Пашка ловил крабов и звонил деду с победными реляциями.

Родинов долго сидел в тишине, не включая телевизора, наконец-то он открыл папку. Первый лист — сводка по националистическим движениям в Казахстане. Второй — распечатки постов из соцсетей. Третий — фотографии. Плохого качества, но вполне узнаваемые. Дмитрий замер. На фотографии были пластины. Странной формы, с какими-то отверстиями, с трубками. Очень похожие на те, что он видел на форуме и на те, о чем рассказывал Акимов.

Внизу подпись: «Артефакты, предположительно связанные с пропагандой. Местонахождение неизвестно. По неподтверждённым данным — похищены из частных коллекций на территории Казахстана».

— Чёрт возьми! — Прошептал Дмитрий.

Связь больше не казалась случайной. Она выстраивалась в линию: пластины — кражи — националисты — ханы — Золотая Орда — и снова пластины. Кто-то собирал пазл и этот пазл был не просто исторической головоломкой. Он был боеприпасом. Идеологическим, а может, и не только.

Дмитрий откинулся на спинку стула, посмотрел в потолок. Отпуск отодвигался на неопределённый срок. Вопрос был только в том, насколько далеко. Телефон на столе завибрировал — сообщение с фотографиями на мессенджер от Лены: «Пашка поймал четырёх крабов! Гордится. Целуем. Скучаем».

Дмитрий улыбнулся, набрал ответ: «Молодец. Передай, что я тоже скучаю. Скоро увидимся». «Скоро» — понятие растяжимое, подумал он. Особенно когда на столе лежит папка с грифом «Для служебного пользования», а в голове крутятся ханы, пластины и форсунки из музея Циолковского. Он взял первый документ и углубился в чтение.

Дмитрий перевернул несколько листов, скреплённых степлером. Анализ геополитической ситуации в Средней Азии — сухие выкладки, графики, прогнозы — показался ему скучным до зубовного скрежета. Он пролистывал страницу за страницей, почти механически, отмечая про себя знакомые фамилии политиков, названия движений, статистику миграции. Всё это он читал и раньше, в других сводках, в других отчётах. Ничего нового.

Первый документ назывался «Анализ националистических проявлений в Республике Казахстан за период январь-сентябрь текущего года». Дмитрий углубился в чтение. Цифры были красноречивы: рост числа инцидентов на национальной почве — сорок семь процентов. Нападения на русскоязычных студентов в Астане и Алма-Ате. Поджоги офисов славянских культурных центров. Осквернение кладбищ. И главное — митинги, разгоняемые местной властью, то, наоборот, игнорируемые, словно не зная, как реагировать.

Дмитрий поморщился. Он бывал в Казахстане, у него там были друзья, коллеги, знакомые. Нормальные люди, кто не хочет никаких конфликтов. И вот теперь эта статистика ложилась на душу тяжёлым камнем. Он перелистнул страницу. Дальше шли распечатки из социальных сетей — скриншоты постов, комментариев, репостов. Язык у всех был разный: казахский, русский, английский, суть одна — призывы к единству, к возрождению традиций, к очищению земли от «чужаков».

«Казахстан — для казахов!» — это ещё цветочки.

«Пора вспомнить, кто мы есть. Наши предки владели этой землёй от Сибири до Чёрного моря. Вернём былое величие!» — это уже серьёзнее.

«Чингисхан объединил степи. Мы сделаем то же самое. Нам нужен свой Чингисхан!»

Дмитрий задержался на этом посте. Автор — некто с ником «Kök_Tengri» — «Синее Небо», в честь древнетюркского верховного божества. Аватарка — стилизованное изображение волка, тотемного животного тюркских народов. Пост набрал несколько тысяч лайков и сотни репостов. В комментариях — восторженные отклики, призывы к действию, обещания поддержки.

Он полистал дальше, ещё посты, ещё призывы. И везде — отсылки к истории и Золотой Орде, к монгольским завоеваниям, к великим ханам. Не к тем, о чем писали в учебниках, —

не к жестоким завоевателям, а к идеализированным, почти мифическим фигурам, несущим свет и порядок.

«При Батые степи процветали. Торговля, ремёсла, вера — всё было в гармонии. Мы потеряли эту гармонию, когда пришли русские».

Дмитрий усмехнулся, историческая правда здесь отсутствовала напрочь, но для пропаганды это было и не нужно. Главное — создать образ, миф, срабатывающий на эмоциях. Следующий документ был посвящён анализу финансирования этих движений. Схемы оказались сложными, запутанными. Деньги шли из разных источников: частные пожертвования, криптовалютные переводы, офшорные компании.

Прослеживалась одна закономерность, значительная часть средств поступала из-за рубежа. Из Турции, из стран Персидского залива, из Европы и, что особенно настораживало, — из России. Не от официальных структур, разумеется, а от частных лиц и организаций, связанных с ультраправыми движениями.

— Игра в многовекторность, — пробормотал Дмитрий. — Кому-то выгодно раскачивать лодку со всех сторон.

Он сделал пометку в блокноте, хотя сам не знал зачем. Привычка исследователя — фиксировать всё, что кажется важным. Дальше шли материалы о лидерах националистических движений. Биографии, фотографии, связи. Дмитрий вглядывался в лица: молодые, энергичные, с горящими глазами. Кто-то из них был искренним фанатиком, кто-то — просто политическим авантюристом, ищущим быстрой выгоды. Но были и те, кто явно действовал по указке извне — слишком уж гладкими, профессиональными были их выступления, слишком уж точно они попадали в болевые точки общества.

— Марионетки, — констатировал Дмитрий. — Красивые, умелые, но марионетки. Вопрос — кто дёргает за ниточки?

Ответа в документах не было. Были только предположения, версии, догадки. Слишком много противоречивых следов, слишком много возможных заказчиков. Он отложил эту стопку и взялся за следующую. Здесь были материалы, названные Иваном Павловичем «культурологическими». Анализ блогосферы, медиапространства, символики. Вскоре Дмитрий наткнулся на то, от чего у него перехватило дыхание.

На следующем листе была копия рекламного баннера. Судя по пометкам внизу, его размещали в соцсетях, таргетируя на казахстанскую аудиторию. Текст в нижней части листа сообщал: «Прикоснись к древности! Фестиваль “Великая Степь” в Астане. Возрождение традиций. Конные шоу, реконструкции, артефакты». Дата, место, организаторы — всё как положено.

Дмитрий даже не взглянул на текст. Всё его внимание было приковано к верхней части изображения. Там, на фоне стилизованной степи и восходящего солнца, красовался конь. Обычный, казалось бы, степной скакун. Но у него было три головы.

Три головы на одной могучей шее. Три оскаленных морды с горящими глазами. Гривы развевались на ветру, копыта били землю, из ноздрей вырывалось пламя. Изображение было выполнено в современной, почти фотореалистичной манере, но сама идея... Дмитрий замер, вцепившись взглядом в рисунок. Где-то в глубине памяти зашевелилось, заскреблось что-то знакомое. Он точно видел это раньше. Или читал. Или слышал.

— Трёхглавый конь. — Прошептал он вслух. — Трёхглавый... откуда?

Мысль ускользала, дразнила, не давалась в руки. Дмитрий отодвинул папку, вскочил, заметался по кухне. Потом его осенило. Он выбежал в коридор, влетел в комнату сына, включил свет. Комната Пашки представляла собой классический подростковый бардак: разбросанные, учебники.

на стене — постер с рок-группой, на столе — недоеденное яблоко и горы тетрадей. Дмитрий подскочил к письменному столу, выдвинул верхний ящик. Там, среди сломанных ручек, батареек, старых наушников и прочего хлама, лежало увеличительное стекло. Пашка когда-

то увлекался выжиганием и выжигал с лупой, потом забросил. Дмитрий схватил лупу, пулей вернулся на кухню, рухнул на стул и поднёс стекло к рисунку.

Теперь, при увеличении, стали видны детали, какие он не заметил сразу. Глаза коня — в них были крошечные, едва различимые точки. Зрачки? Нет, что-то другое. Похоже на отражение. Или намеренно вписанные символы. Гривы трёх голов переплетались, образуя сложный узор, при беглом взгляде казавшемся просто хаотичным переплетением линий, но под лупой...

— Это письмена, — выдохнул Дмитрий. — Или их имитация. Древнетюркские руны? Или что-то другое? Чёрт, что за...

Он разглядывал рисунок ещё минут двадцать. Водил лупой по каждому миллиметру, пытался уловить закономерность, понять, что именно его так зацепило. Мелькнувшая идея — смутная, почти интуитивная — уже готова была оформиться в слова, но в последний момент испарилась, оставив после себя только досаду и чувство, что он упустил что-то важное.

— Не получается, — пробормотал Дмитрий, откладывая лупу. — Ладно, оставим на потом.

Он отодвинул рисунок в сторону и вернулся к другим материалам. Ещё два часа он вчитывался в документы, оставленные генералом Бординым. Были там и аналитические записки о возможном развитии ситуации. Прогнозы пессимистичные: если националистические настроения продолжат расти, если к ним добавится экономический кризис.

Если внешние игроки продолжают подливать масло в огонь — Казахстан может повторить сценарий Украины 2014 года. Только масштаб может быть больше, потому что Средняя Азия — регион сложный, с кучей нерешённых проблем, с переплетением этнических, религиозных, клановых противоречий. Были расшифровки перехваченных разговоров. Дмитрий читал их с холодком по спине. Люди, кого явно готовили к чему-то серьёзному, обсуждали планы, координацию, технику. Всплывали названия городов, даты, имена.

Были фотографии с митингов. Толпы людей с флагами, с плакатами. Молодые парни в камуфляже, с нашивками, похожими на древние тамги. Девушки в национальных костюмах, с детьми на руках. Всё выглядело почти мирно, почти празднично. Но Дмитрий знал, как легко праздник превращается в погром. Были карты с пометками, районы наибольшей активности, места концентрации радикалов, маршруты возможных перемещений.

Везде, во всех документах, то тут, то там мелькали отсылки к древности. К ханам. К империи. К «ключам предков». К «дарам неба». Связь с пластинами, украденными в Китае и Монголии, становилась всё очевиднее, хотя прямых доказательств пока не было. Дмитрий откинулся на спинку стула, потёр переносицу. Глаза слипались, строчки плыли, голова гудела, как трансформаторная будка.

Мысли путались, натыкались друг на друга, порождали хаотичные образы. Трёхглавый конь с горящими глазами скакал по степи, за ним неслись всадники в древних доспехах, а над всем этим парили странные пластины, вращаясь в воздухе, как осенние листья. И где-то в глубине этого видения маячила смутная фигура — не то шаман, не то современный политик, не то тот самый таинственный заказчик, дёргающий за ниточки.

Когда часы показали половину второго, Дмитрий понял, что больше не может. Он аккуратно сложил все листы обратно в папку, защёлкнул пластиковый замок и побрёл в спальню. В голове гудело от слишком большого объема информации за один вечер. Слишком много совпадений, они не могут быть случайными. Слишком много вопросов, но на них пока нет ответов.

Дмитрий рухнул на кровать, даже не раздеваясь, и провалился в тяжёлый, без сновидений, сон. На кухонном столе, в свете уличного фонаря, поблёскивала лупа, брошенная рядом с распечаткой трёхглавого коня. И чудилось, что в темноте три пары глаз на рисунке светятся тусклым, недобрым огнём. Конь словно ждал чего-то, или кого-то.

Когда через несколько часов зазвонил будильник, Дмитрий проснулся с одной чёткой мыслью: трёхглавый конь — это не просто символ. Это ключ. Где-то в материалах, какие он читал ночью, уже был намёк на то, где искать дальше, теперь осталось только разгадать, где искать.

Глава 3. Дорога в калужский музей

Утро началось с глухой, ноющей тревоги. Дмитрий поднялся затемно — будильник ещё не прозвенел, а он уже сидел на кровати, растирая лицо ладонями. Сон не принёс облегчения. Трёхглавый конь, пластины, слова Акимова о калёном металле — всё это перемешалось в ночных видениях в одну липкую, тревожную кашу. Первым делом он схватил телефон и набрал номер профессора, последовали длинные гудки — пять, шесть, семь.

— Абонент недоступен. Пожалуйста, перезвоните позже. — Родинов услышал монотонный, бездушный голос оператора. Дмитрий сбросил вызов, набрал снова. Та же картина. Ещё раз — и снова.

— Что же такое? Где же вы, Александр Иванович? — Пробормотал он, отбрасывая телефон на одеяло. — Профессор, куда вы запропалились?

Он вспомнил вчерашний разговор, голос профессора — взволнованный, почти взбудораженный. Акимов обещал быть на связи, обещал копать дальше и вдруг — тишина. Не просто «не берёт трубку», а «абонент недоступен». Будто телефон выключили или он оказался в зоне, где нет сети.

Рассказ Акимова о калужской пластине не давал покоя — «металл, подвергшийся воздействию высокой температуры или огня», «приваренная трубка», «следы оплавления». Дмитрий прокручивал в голове эти детали снова и снова, и каждый раз они складывались в одну и ту же картину: это не просто древняя диковинка. Это часть какого-то устройства и, возможно, очень сложного.

Он принял решение ещё с вечера, когда ворочался в постели, пытаясь уснуть. Лететь в Калугу. Своими глазами посмотреть на ту самую пластину. Поговорить со зрителем, упомянутым Акимовым — тем самым, кто хранит ключи к закрытой части архива. Может быть, там, на месте, удастся узнать больше.

Дмитрий открыл на телефоне приложение авиабилетов. До Калуги из Москвы можно было доехать и на поезде, но времени в обрез. Он купил билет на утренний рейс — туда и обратно, с расчётом вернуться к вечеру. Оплатил картой, подтверждение пришло мгновенно.

— Хорошо! — Подумал он. — Теперь главное — успеть на рейс.

Утром, едва продрал глаза, он сполоснулся под душем, наскоро побрился, натянул джинсы, свитер, лёгкую куртку. На кухне перекусил бутербродом с сыром, запил крепким кофе, заваренным в турке — по-восточному, с пенкой, как любила Лена. Вспомнил про жену, про Пашку, на секунду замер с чашкой у губ. Потом решительно отставил кофе, вызвал такси.

Машина подъехала через семь минут. За рулём сидел мужчина лет пятидесяти, с уставшими глазами и лёгкой небритостью. Звали его, судя по табличке на торпедо, Рашид.

— В Домодедово? — Спросил таксист, вырывая со двора.

— Да. — Дмитрий пристегнулся. — Только побыстрее, если можно. У меня рейс через два часа.

— Успеем! — Рашид спокойно объехал пробку, свернув во дворы. — Я здесь каждую кочку знаю.

Москва только просыпалась. Улицы были полупустыми, фонари ещё горели, но небо на востоке уже розовело. Таксист вёл машину уверенно, без лихачества, но быстро.

— По делам летите? — Спросил он, поглядывая в зеркало заднего вида.

— Вроде того. — Уклончиво ответил Дмитрий. — В Калугу. В музей.

— В музей? — Рашид удивился. — Обычно люди в музеи на поезде ездят, а вы — самолётом. Получается вам столичных музеев недостаточно. Срочно, значит, понадобилось?

— Срочно! — Дмитрий не стал вдаваться в подробности.

Таксист понял, что расспрашивать не стоит, и замолчал. Всю дорогу они слушали негромкое радио — какая-то старая песня, которую Дмитрий не узнал. Город за окном сменялся трассой, трасса — бетонными джунглями аэропорта.

— Приехали! — Рашид остановился у терминала. — С вас тысяча двести.

Дмитрий расплатился, добавил сверху сотню «на чай», забросил спортивную сумку на плечо и двинулся к входу. Регистрация прошла без проблем. Сотрудница аэропорта, молодая девушка с идеальным маникюром, мельком глянула на паспорт, распечатала посадочный талон.

— У вас место у окна. Подойдёт?

— Подойдёт! — Согласился Дмитрий, хотя в душе предпочёл бы проход, спорить не стал — время поджимало.

Досмотр, зал ожидания, громкий голос диспетчера, объявляющий посадку. Всё, как всегда, привычно, до автоматизма. Дмитрий сел в кресло, пристегнулся, сунул сумку под сиденье. Самолёт — небольшой «Boing 730» — заполнялся постепенно, рядом, у иллюминатора, пока никто не сел.

Перед самым взлётом в проходе возникла женщина. Лет сорока, полная, с тяжёлыми сумками и раскрасневшимся лицом. Она оглядела ряд, увидела свободное место у окна, потом перевела взгляд на Дмитрия.

— Молодой человек? — Голос у неё был требовательный, не терпящий возражений. — Вы не могли бы пересесть? Я очень плохо переношу полёты, мне нужно смотреть в окно, иначе меня укачивает, а вы, я смотрю, мужчина крепкий, вас не укачает.

Дмитрий хотел возразить, ему самому нравилось смотреть в иллюминатор, особенно на взлёте. Но что-то в глазах женщины — не просьба, а именно требовательность, смешанная со страхом — заставило его вздохнуть и подняться.

— Хорошо. — Согласился он, перехватывая сумку. — Садитесь. Я сяду у прохода.

— Спасибо, молодой человек. — Женщина тут же плюхнулась на его место, пристёгиваясь с видимым облегчением. — А то эти стюардессы вечно сажают куда попало. У меня вообще-то место у окна было, но в прошлый раз...

Дмитрий не слушал, он пересел на освободившееся место у прохода — как раз напротив кресла, где сидел пожилой мужчина с аккуратной седой бородкой, в очках с толстыми линзами и с потрёпанным томиком в руках.

— Доброе утро! — Вежливо кивнул Дмитрий.

— И вам доброе! — Ответил сосед, откладывая книгу. Глаза у него были живые, молодые, несмотря на возраст. — Добрые люди встречаются, место уступают, а то бы я всю дорогу смотрел в этот иллюминатор, а мне оно, честно говоря, до лампочки. — Он рассмеялся, и Дмитрий невольно улыбнулся в ответ.

Самолёт взлетел, двигатели заревели, перегрузка вдавила в кресло, потом стало легче, и через несколько минут за окнами уже клубились белые облака. Женщина у иллюминатора, к счастью, успокоилась, достала из сумки яблоко и принялась грызть его с хрустом. Дмитрий разговорился с соседом и тот представился Петром Ильичом, учителем истории из подмосковного Подольска.

— Вот. — Учитель похлопал по книге, оказавшаяся «Эддой» на русском языке. — Готовлюсь к лекции в местном клубе любителей древностей о викингах. Знаете, я всю жизнь их изучаю, а всё новое нахожу.

— Викинги? — Дмитрий оживился, это было близко к его научным интересам. — И что же вас так привлекает?

— А вы знаете, что у викингов не было одного, единого пантеона богов? — Пётр Ильич оживился, он говорил увлечённо, жестикулируя, но негромко — чтобы не мешать другим пассажирам. — Да, Один, Тор, Фрейр — это всем известно. В разных областях Скандинавии

почитали разных богов. И обряды различались. А главное — их вера в судьбу. У них не было слова «грех» в нашем понимании, а была честь и была судьба, которую нельзя изменить. Это очень по-своему мудрое мировоззрение.

— А как же их походы? — спросил Дмитрий. — Набеги, грабежи, убийства?

— Это была не просто жажда наживы, — учитель покачал головой. — Это было частью их культуры. Молодой человек, чтобы стать мужчиной, должен был добыть богатство и славу. Грабеж монастыря — это не святотатство, это удасть. И потом, не забывайте: они были первопроходцами. Доплыли до Америки за пятьсот лет до Колумба. Освоили путь «из варяг в греки». Их корабли — это шедевры инженерной мысли.

Дмитрий слушал, поддакивал, задавал вопросы. Разговор увлек его, отвлек от тревожных мыслей. О викингах, их верованиях, их рунах, их отношении к металлу и оружию. Пётр Ильич рассказал, что некоторые кузнечные техники викингов до сих пор не удаётся воспроизвести в точности — слишком высокого качества получалась сталь.

— Секрет дамасской стали, например, они знали, но не так, как арабы. — Продолжал говорить учитель. — А вы знаете, что в некоторых сагах упоминаются «громовые камни», которые падают с неба и дают силу? Скорее всего, речь о метеоритах. Но для них это были дары богов.

Дмитрий вздрогнул, «Дары неба» — те же слова мелькали в материалах генерала Бордина, в постах националистов. «Дары предков», «железные птицы», «ключи неба». Что-то общее, архетипическое, протупающее в разных культурах.

— Пётр Ильич, — спросил он, — а у викингов были легенды о предметах, пришедших с неба? Не просто о метеоритах, а о... о вещах, что несли в себе силу, которую нельзя было объяснить?

— В некоторых сагах упоминаются мечи, которые светятся в темноте. — Учитель задумался, потерев бородку. — Или кольца, дарующие власть. Но это, скорее, мифология, символы, а вы к чему клоните?

— Просто интересуюсь. — Уклончиво ответил Дмитрий.

Он не стал рассказывать о пластинах, о кражах, о профессоре Акимове, так как это было не время, не место. Самолёт начал снижение, за окнами показалась земля — зелёные поля, перелески, ленты рек. Калуга встречала гостей хмурим, но сухим утром.

— Приятно было познакомиться, — Пётр Ильич пожал Дмитрию руку на прощание. — Если будете в Подольске — заходите в наш клуб. Мы по вторникам собираемся.

— Обязательно. — Соврал Дмитрий, хотя знал, что вряд ли.

Он подхватил спортивную сумку, быстро прошёл послеполётные процедуры — никакого багажа, только ручная кладь, — и уже через семь-десять минут сидел в новом такси, которое везло его в Музей истории космонавтики имени К.Э. Циолковского. Музей оказался величественным, просторным, с высокими потолками и обилием света. Дмитрий никогда раньше здесь не был — не доводилось. Космос, ракеты,

Циолковский — всё это было интересно, но не входило в круг его профессиональных занятий. Сейчас же он смотрел на макеты спутников и спускаемых аппаратов почти с благоговением. Потому что знал: где-то здесь, в запасниках или закрытой части архива, лежит та самая пластина, о которой рассказывал Акимов, но сначала нужно было найти смотрителя. Дмитрий подошёл к стойке информации, где суежилась женщина в форменном пиджачке с бейджиком на лацкане. На бейджике значилось: «Светлана Викторовна, экскурсовод».

— Извините. — обратился он к ней. — Мне нужен смотритель закрытой части архива. Кажется, его зовут... — он напряг память, вспоминая, как назвал фамилию профессор Акимов. — Владимир Ильич Самохин. Он сегодня работает?

Светлана Викторовна, женщина лет пятидесяти с усталыми глазами и аккуратно уложенными волосами, оторвалась от планшета, где собирала группу экскурсантов.

— Самохин? — Переспросила она, поправляя очки. — Владимир Ильич будет только после шести часов вечера. У него сегодня научная консультация в другой части города, а потом он приходит в архив. Вы по какому вопросу?

— Я по личному. — Дмитрий старался говорить непринуждённо. — Меня профессор Акимов направил. Мы с вашим Самохиным... сотрудничаем.

— После шести, молодой человек. — Светлана Викторовна с сомнением посмотрела на него, но спорить не стала. — Если хотите, можете подождать, но помните экспозиция работает до восьми.

Дмитрий печально вздохнул. До шести — больше пяти часов. Убить это время в незнакомом городе, шатаясь по улицам? Или присоединиться к экскурсии, которая вот-вот начиналась? Он выбрал второе. Хотя бы с пользой проведёт время. Да и, может быть, в экспозиции найдётся что-то связанное с пластинами?

— Я с вами! — Кивнул он Светлане Викторовне. — Запишите меня в группу.

Экскурсовод мельком глянула на него, что-то отметила в планшете и жестом пригласила следовать за ней. Группа собралась небольшая — человек пятнадцать: школьники с учительницей, пара пенсионеров, молодая пара с ребёнком, и ещё несколько одиночек, как Дмитрий.

— Добро пожаловать в Музей истории космонавтики имени Константина Эдуардовича Циолковского. — Начала Светлана Викторовна, и голос её зазвучал профессионально, чуть нараспев, с отработанными интонациями. — Наш музей был открыт в 1967 году, и его первым почётным директором был Сергей Павлович Королёв...

Дмитрий слушал вполуха, но постепенно втянулся. Экспозиция оказалась удивительно интересной. Светлана Викторовна вела группу от зала к залу, рассказывая о первых шагах человечества к звёздам, о теоретических работах Циолковского, о ракетных двигателях, о первых спутниках, о Гагарине.

— Обратите внимание, — она указала на витрину, где под стеклом лежали пожелтевшие листы, исписанные мелким, аккуратным почерком. — Это рукописи Константина Эдуардовича. Вот здесь он выводит формулу реактивного движения. Представьте себе: конец XIX века, лошади, керосиновые лампы, а он уже рассчитывает орбиты космических кораблей!

Дмитрий задержался у витрины, разглядывая формулы. Он не был силен в физике, но сама мысль о том, что человек более ста лет назад предвидел то, что станет реальностью только через десятилетия, вызвала уважение. Потом были макеты первых спутников, капсулы «Востока», в которой летал Гагарин, настоящий спускаемый аппарат, покрытый царпинами и копотью.

— Это не макет. — подчеркнула экскурсовод. — Это подлинник. Он побывал в космосе, видите следы обгорания при входе в атмосферу?

Следы высокой температуры, обгорание, оплавление — Дмитрий вдруг снова вспомнил о пластине. О трубке, приваренной к металлу. О том, что Акимов говорил про огонь или горячие пары. Совпадение или только намёк? Он подошёл ближе к стеклу, за которым лежал какой-то странный предмет — не то деталь ракетного двигателя, не то экспериментальный образец. Рядом была табличка: «Модель реактивной трубы Циолковского. Опытный образец. 1930-е гг.»

— А это, — Светлана Викторовна перехватила его взгляд, — одна из первых попыток создать устройство для направленного выброса газов. Константин Эдуардович сам выточил эту модель на токарном станке. Видите, как грубо, хотя принцип тот же, что и в современных соплах.

Дмитрий смотрел на трубу, на грубые следы металлообработки, на примитивные крепления. Ничего общего с той пластиной, которую он видел на фотографии. Та была гладкой,

почти отполированной, с идеальной геометрией. Эта — кустарная поделка, пусть и гениальная по замыслу.

— А у вас есть предметы, найденные в Калужской области? — спросил он как бы между прочим. — Не связанные с космосом, а, например, древние?

— У нас музей космонавтики, молодой человек. — Светлана Викторовна удивлённо подняла бровь. — Древности — это вам в краеведческом музее, правда есть один экспонат, который иногда показывают только по специальному запросу. Подарок от одного археолога. Но он не в основной экспозиции.

— А можно его посмотреть? — Дмитрий старался, чтобы голос звучал равнодушно, но сердце забило быстрее.

— Только с разрешения Владимира Ильича. — Отрезала экскурсовод. — Он у нас хранитель закрытого фонда. Приходите после шести, как я уже сказала.

Дмитрий кивнул, не настаивая, он и так всё понял, главное пластина в этом здании. Самохин — тот самый смотритель, о котором говорил Акимов — хранит ключи не только от архива, но и от тайны. Остаток экскурсии он дослушал рассеянно, лишь механически отмечая интересные детали: фотографии первых космонавтов, личные вещи Королёва, макет лунного модуля. Но мысли его витали далеко — в закрытой части архива, куда он попадёт только через несколько часов.

Экскурсия наконец завершилась, Светлана Викторовна, собравшая группу для прощального слова, говорила ещё минут десять — о достижениях советской космонавтики, о перспективах освоения Марса, о том, что музей ждёт гостей и завтра. Дмитрий слушал краем уха, кивал в нужных местах, но мысли его были далеко. Он устал. Не столько физически — сколько от напряжения, от ожидания, от этой странной тревоги, которая не отпускала его с самого утра.

— Спасибо, очень познавательно. Я многое узнал впервые. — Когда последние экскурсанты разошлись, Родинов подошёл к Светлане Викторовне, поблагодарил за интересный рассказ.

— Обращайтесь. — Экскурсовод поправила бейджик на лацкане. — Если будете ещё в Калуге — приходите на новую экспозицию. А к Владимиру Ильичу после шести, не забудьте.

— Не забуду. — Пообещал Дмитрий и собрался выйти на улицу.

Он подошёл к автомату кофе, расположенному в фойе музея, дождался, когда в бумажный стаканчик нальется капучино и посмотрел через окно на улицу, где потемнело и вскорости должен пойти дождь. В голове крутился один и тот же вопрос: что связывает пластину из Калуги с теми, что украли в Китае и Монголии? Какое отношение всё это имеет к националистам в Казахстане и трёхглавому коню?

Ответы, что он так надеялся получить, были где-то рядом. Родинов чувствовал возможную слежку, вздохнув от необходимости бесцельно долгого ожидания, бросил пустой стаканчик в урну и перед тем, как покинуть музей на прощание кивнул Светлане Викторовне, собирающей новую группу. Капучино не избавило от нарастающего чувства голода, нужно было где-то перекусить, и убить время, а заодно собраться с мыслями перед решающим разговором.

Город шумел привычной дневной суетой. Над куполами церковей и крышами старых зданий висело низкое, свинцовое небо — то ли дождь собирался, то ли просто пасмурно. Ветер, чуть более сильный, чем хотелось бы, теребил одежду прохожих, взъерошивал волосы непокрытых голов, заставлял женщин придерживать юбки, а мужчин — шуриться и отворачиваться от внезапных порывов.

Дмитрий зябко поёжился, хотя на градуснике было около пятнадцати. Он накинул капюшон своей легкой куртки, засунул руки в карманы и побрёл в сторону, где, как он запомнил по дороге в музей, виднелись вывески кафе и ресторанов. Он не ел по-настоящему с утра — бутерброд с сыром и кофе в счёт. И сейчас, после двух часов хождения по залам, организм напомнил о себе настойчивым урчанием в животе.

Ресторан нашёлся быстро, метрах в двухстах от музея, на противоположной стороне улицы, приветливо светились окна заведения с вывеской «Старая Калуга». Судя по оформлению — стилизация под купеческий трактир, но без излишней пафосности. Дмитрий перешёл дорогу, лавируя между припаркованными машинами, и остановился перед входом.

Кованая дверная ручка в виде подковы, деревянные резные наличники, табличка с часами работы. Всё чинно, благородно, по-провинциальному уютно. Он уже взялся за ручку, собираясь войти, как вдруг почувствовал опасность. Резкая, холодная волна, пробежавшая от затылка до копчика. То самое древнее, животное чувство, которое не раз спасало ему жизнь в горячих точках. Дмитрий замер на мгновение, не открывая дверь. Сердце пропустило удар, потом забилось чаще. Грудную клетку сжало, будто невидимые тиски.

Медленно, стараясь не делать резких движений, он обернулся. Улица как улица, люди идут по своим делам — женщина с коляской, мужчина с портфелем, подростки на самокатах. Машины проезжают, сигналият на светофоре, так что ничего подозрительного. Собственным подозрениям и подсказкам внутреннего голоса Дмитрий привык доверять.

Дмитрий сжал правую ладонь в кулак, разжал, снова сжал — старая привычка, чтобы пальцы не потеряли чувствительность. Вдохнул поглубже, выдохнул. Тревога не ушла, но отступила, спряталась где-то на задворках сознания.

— Показалось! — Пробормотал он себе под нос. — Нервы, Родинов, может лёгкая усталость. — Он толкнул дверь и вошёл.

Внутри оказалось уютно. Полумрак, приглушённый свет бра на стенах, тяжёлые шторы на окнах, за которыми угадывалась суета улицы, но она казалась далёкой и нереальной. Пахло деревом, выпечкой и чем-то мясным — аппетитным, домашним.

— Добрый день. — К Дмитрию тут же подскочил молодой официант в белой рубашке и чёрном фартуке. — Желаете столик?

— Да, пожалуйста. На одного.

— Следуйте за мной.

Официант провёл его вглубь зала, к окну — но не к самому стеклу, а к столику у стены, откуда открывался вид на улицу через затемнённое, тонированное стекло. Дмитрию это даже понравилось — можно смотреть наружу, оставаясь незамеченным.

— Вот здесь вам будет удобно. — Официант ловко развернул меню в кожаном переплёте. — Принести что-то из напитков?

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.